

Константин Мзареулов

Хорек в мышеловке

Константин Мзареулов

Хорек в мышеловке

1998

Мзареулов К. Д.

Хорек в мышеловке / К. Д. Мзареулов — 1998

Содержание

От автора	5
ЧАСТЬ I	8
1. Земля. 4 июня 78 года.	8
2. Саракш. 21 декабря 57 года.	12
3. Земля. 5 июня 78 года.	17
4. Саракш. 5 июня 78 года.	26
5. Архивные файлы.	32
6. Земля. 6 июня 78 года.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Константин Мзареулов

Хорек в мышеловке

От автора

Даже не боюсь показаться банальным, делая такое признание: много десятилетий назад я стал горячим поклонником Братьев. Как и все фэны шестидесятых, а тем более семидесятых, я с жадным нетерпением ждал появления очередной книги любимых писателей, каждая из которых принималась с бурным восторгом.

Однако, была во всех повестях деталь, которая вызывала бешеное раздражение: всякий раз Братья обрывали действие на самом интересном месте, оставляя на долю читателей неблагодарную обязанность самим додумать выход из филигранно выписанной ситуации. Стоит ли удивляться, что такая орава фантастов моего (так называемого «четвертого») поколения взялась разрабатывать продолжения сюжетных или идейных линий, достраивая чудный мир, рожденный вдохновением А.Н. и Б.Н. Лично у меня настроение писать продолжения в стиле «Время учеников» появилось примерно после появления «Жука», а может, и раньше – после «Обитаемого острова».

Массу забавных выводов можно было сделать из различий между журнальными и книжными текстами некоторых повестей. Например, меня всегда тревожили обстоятельства административных катаклизмов, происходивших в Мире Полдня: Комитет Галактической Безопасности таинственным образом трансформировался в Совет по идентичной проблематике, а Прогрессоры столь же загадочно переподчинялись из Института экспериментальной истории в ведение неназванной службы при КОМКОНе-1. Одно лишь разбирательство коллизий подобной перетряски способно породить множество лихо закрученных сюжетных линий. Во всех таких случаях я отдавал предпочтение журнальному варианту «Обитаемого острова» перед книжным и «Возвращению» перед «Полднем, XXII».

И еще одно обстоятельство всегда смущало меня (и, похоже, не только меня): в разных повестях Братьев не совпадало время действия, из-за чего порой было трудно разобраться, в какой последовательности происходили те или иные события. В клубных фэнзинах предпринимались попытки выстроить подобную хронологию, однако авторы таких исследований с непонятным упорством тилились втиснуть все известные им факты в узкие рамки XXII века. Стало ясно, что надо разбираться самому.

Задача осложнялась тем пикантным обстоятельством, что сами Братья о подобных мелочах явно не слишком заботились, а потому допустили изрядную путаницу в датах. Пришлось двинуться окольным путем, вычисляя хронологию по косвенным признакам. К примеру, в финале «Возвращения» Горбовский говорит, что Комиссия по Контактм организована около пятидесяти лет назад, тогда как в «Попытке к бегству» возраст КОМКОНа-1 приближается к двум сотням лет. Кстати, один лишь этот факт означает, что Эпоха Полдня длилась не менее 150 лет, то есть никоим образом не могла ограничиваться одним (пусть даже Двадцать Вторым!) веком.

Дальнейшие рассуждения о хронологии приводят к еще более занимательным выводам. Судя по «Жуку в муравейнике», Максим оказался на Саракше в 56-57 гг. (если следовать одной из систем летосчисления) и вскоре после этого принимал участие в усмирении Островной империи. Однако те же события совпадают по времени с «Малышом», который датирован 245-м (вероятно, имелся в виду 2245-й!) годом. Чтобы преодолеть этот парадокс, пришлось предположить, что с 2185 года было введено новое летосчисление.

Таким вот образом – где конспектируя, где вычисляя, где экстраполируя, где домысливая, удалось свести описанные мэтрами события и явления в единую таблицу, объединенную четкой временной последовательностью:

2040 Родился Леонид Андреевич Горбовский.

2072 Образован КОМКОН-1.

2073 Стартовала межзвездная экспедиция под командованием Л.А.Горбовского.

2080 Начались полеты сигма-Д-звездолетов.

2102 Введена в эксплуатацию и через 4 минуты отключена Массачусетская машина.

2103 Вернулась экспедиция Л.Горбовского. С учетом релятивистских эффектов Горбовскому должно быть около 40 биологических (локально-земных) лет.

2106 Родился Геннадий Комов.

2120 Сигма-Д-звездолеты имеют 4-6 км в поперечнике и преодолевают до 40 световых лет за полгода.

2125 Начало систематического применения биоблокады (фукамизации).

2129 Родился Айзек Бромберг.

2135 Экспедиционная группа Г.Комова открыла цивилизацию на планете Леонида.

2154 Начато строительство эпсилон-Д-звездолетов типа «призрак», основанных на принципе Нуль-транспортировки.

2160 Родился Павел Григорьевич Сикорский, он же Экселенц, он же Странник, он же Рудольф Сикорски.

2185 Начало нового летосчисления.

2221 [36] Родился Максим Ростиславский (по матери – Каммерер).

2222 [37] Март-ноябрь. Операция «Зеркало» – глобальные военные учения, на которых отрабатывалось отражение агрессии из космоса. Ответственный – Р.Сикорски.

24 декабря. Экспедиционная группа Г.Комова обнаружила в системе ЕН-9173 инкубатор с Подкидышами.

2223 [38] 6 октября родились 13 Подкидышей.

2226 [41] Родилась Майя Тойвовна Глумова.

2234 [49] На борту звездолета «Пилигрим» родился Пьер Семенов (Мальш).

2237 [52] Комитет Галактической Безопасности направил Р.Сикорского резидентом на планету Саракш.

2241 [56] М.Ростиславский потерпел кораблекрушение на Саракше.

2242 [57] М.Ростиславский уничтожил генератор «черного излучения». Подполье взяло власть в Стране Неизвестных Отцов.

2243 [58] Восстание в Пандее. На Саракш прибыл Г.Комов, в составе его группы – Л.А.балкин (Гурон). Первый массовый десант Островной Империи.

2245 [60] Операция «Ковчег». Дикая выходка М.Глумовой помешала Г.Комову установить контакт с высокоразвитой цивилизацией, воспитавшей Мальша.

2246 [61] Г.Комов под псевдонимом К.Оксовью опубликовал книгу «Движение о вертикали», в которой, помимо прочего, утверждается, что фукамизация может оказать неконтролируемое воздействие на генотип.

2248 [63] Июль-август. Л.Абалкин и голован Щекн работают на планете Надежда.

2250 [65] Туристы-отпускники случайно открыли гуманоидную цивилизацию на планете Саула. В экспедиции необъяснимым образом оказался человек из XX века – танкист-красноармеец.

Эпсилон-Д-звездолеты прогулочного класса имеют радиус действия до 600 световых лет. Прыжок через нуль-пространство происходит практически мгновенно.

2252 [67] Родился Тойво Глумов. На Саракше начата операция «Штаб» – инфильтрация Л.Абалкина в высшие военные структуры Островной Империи.

2257 [72] Расформирован Комитет Галактической Безопасности.

2263 [78] 29 мая Л.Абалкин (Гурон) бежал с Саракша на Землю.

4 июня, пресекая попытку завладеть детонатором, Экселенц был вынужден применить оружие.

Примерно в это же время голованы прекратили контакты с человечеством.

2266 [81] Началась эпидемия фукамифобии.

2267 [82] На рассмотрение Всемирного Совета вынесен проект поправки к «Закону об обязательной биоблокаде».

2269 [84] Зафиксирован «синдром пингвина», феномен наблюдался на протяжении 82-86 гг.

2270 [85] Всемирный Совет отменил обязательную биоблокаду.

2271 [86] Умер Р.Сикорски.

2276 [91] Прогрессор Т.Глумов приступил к работе в Арканаре.

2279 [94] 11 июня умер А.Бромберг

Декабрь. Т.Глумов поступил на службу в КОМКОН-2.

2282 [97] На Землю вывезен Гаг из спецподразделения «Бойцовые Коты» (планета Гиганда). Отряд Прогрессоров под командованием Корнея Яшмаа прекратил войну на Гиганде.

2284 [99] Возглавляемый М.Каммерером отдел ЧП (сектор Урал-Север) КОМКОНа-2 раскрыл существование люденов (метагомов).

2287 [102] Метагомы прекратили контакты с людьми.

Сколоченная с грехом пополам хронология событий приводила к неожиданным выводам. Чего стоило одно лишь открытие того факта, что Комов оказался на четверть века старше (!) Бромберга. Процесс формирования сюжета сразу принял клиническую форму, а точнее – форму клинча.

Завершая это затянувшееся вступление, должен сделать важную оговорку. Разумеется, «Хорек в мышеловке» никоим образом не является продолжением «Трилогии о Максиме» и остальных повестей той же серии. Скорее уж, я попытался ответить на вопросы, над которыми сами Братья даже не задумывались. Это – описание событий, которые вполне могли бы произойти в том мире, который создан Стругацкими.

ЧАСТЬ I СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ.

1. Земля. 4 июня 78 года.

Запасное место для засады он оборудовал еще четвертого дня, когда стало известно о возвращении Гурона. С удобной позиции между парочкой громоздких конструкций, вывезенных в начале века с Беллерофонта, просматривалась большая часть зала, включая стенд, на котором стоял накрытый чехлом контейнер с приманкой. В то же время нежелательный визитер на всем пути от дверей до упомянутого стенда никак не мог бы углядеть затаившегося в углу охотника. Если, конечно, означенный посетитель не имел глаз на затылке.

Экселенц сидел, облокотясь на массивного идола ируканских еретиков и положив снятый с предохранителя пистолет на лоснящийся от обильной смазки корпус пандейского термоядерного фугаса. Начинку из этой мины извлекли еще в незапамятные времена Шестого Путча, а пустая оболочка продолжала восхищать нечастых посетителей не самого популярного из музеев Планеты.

Полуживой обруч мультисенсора, мягкой хваткой накрывший глаза и уши, позволял различать даже самые слабые звуки в радиусе двух десятков метров и видеть в густом полумраке, слегка разреженном струйками света, льющимися сквозь незашторенные прозрачные стены. Старик не стал опускать портьеры: оказавшись в полной тьме, гость может включить плафоны и тогда наверняка обнаружит засаду. А при таком освещении, каким бы скудным оно не было, он не захочет выдавать своего присутствия, понадеявшись на отлично развитое ночное зрение.

Шорох осторожных, почти бесшумных шагов проник в слух старика, едва объект охоты поднялся до середины лестницы. Потом кто-то долго кружил по соседней комнате, и складки на лице охотника невольно сложились подобием улыбки – посетитель явно не нашел того, что искал, и старик прекрасно знал, почему он этого не нашел. Какое-то мгновение даже держалась паническая мысль: вдруг, не обнаружив контейнер в глумовской мастерской, гость покинет музей...

Нет, ночной визитер не ушел, а направился напрямик в умело расставленные силки. Дверь слабо скрипнула, и плоские окуляры фотонного усилителя подтвердили: в зале появился именно Абалкин. Не издавая лишних звуков, он стремительно скользнул вдоль стеллажей, витрин, экспонатов, проекторов и остановился перед той самой тумбой, на которой покоился контейнер-саркофаг.

Разумеется, Гурон не стал включать светильники, беспечно доверившись чуткости органов, полученных от природы и приумноженных процедурами генной архитектуры... либо – дарованных щедротами других, еще более могущественных демиургов. И, как следовало ожидать, он стоял спиной к старику.

Оружие оказалось в руке Экселенца еще до того, как начала открываться дверь подсобки, и теперь, когда широченная спина предполагаемого нечеловека приковала к себе профиль прицельной бороздки, пупырчатый пластик пистолетного кожуха привычно ласкал ладонь. Сикорский был уверен – если придется применить оружие, он не промахнет. Самонаводящиеся боеприпасы калибра 6,604 мм всегда попадали в цель без промаха.

А долговязый кандидат в покойники уже почти справился с хитроумным замочком, над которым в свое время не одну неделю ломали голову лучшие специалисты Вышестоящей Организации. Что это было – вульгарное везение, извечно благоволившее дуракам и новичкам? А

может быть, точное знание, десятки тысячелетий назад неведомым образом отпечатанное в хромосомах или зародышах нейронов «подкидыша»?

Опыт и уважение к здравому смыслу приучили старика не верить в возможность случайной удачи. До сих пор Гурон действовал так, словно каждым своим движением тужился подтвердить безусловно самоубийственную для него версию Экселенца, и это также не могло оказаться случайностью. Логика, выгравированная Скальпелем Оккама, настоятельно требовала: пора стрелять, потом будет поздно.

Однако дичь имела право на последний шанс, поэтому Экселенц дернул щекой, и микроскопический сенсорный датчик включил систему «чучело». В темноте, окутавшей противоположный угол зала, шевельнулась голографическая тень. Затем с того же направления раздался звук старческого голоса:

– Остановись, мальчик. Не стоит этого делать.

Не отвечая, даже не взглянув в сторону замаскированного динамика, Гурон небрежно взмахнул рукой и вернулся к прежнему занятию, а выточенные из монокристаллов углерода диски, которые он швырнул, прошли пустоту, заполнявшую голограмму. Седьмой «подкидыш» явно не был настроен шутить и твердо решил любой ценой завладеть детонаторами. Щелкнул побежденный замок, затем громко чавкнул, отделяясь от гнезда, цилиндр, размером и формой напоминавший хоккейную шайбу. Вот теперь уже точно не оставалось времени для академических рассуждений о глобальных проблемах, как то: «Стоит ли безопасность человечества слезинки существа, которое, скорее всего, человеком не является?»

Экселенц спустил курок.

Отрывистый треск выстрела. Светлячок трассера прочертил след в полумраке.словно в замедленном фильме, Экселенц наблюдал, как пробитая пулей рука Гурона дернулась, выпустив детонатор, и тот отлетел к центру комнаты, подпрыгивая на тетриловых плитках мозаичного пола. Однако болевой шок, которым славились поражающие элементы «Герцога», не остановил ночного посетителя.

«Подкидыш» начал поворачиваться, здоровой рукой вытаскивая из кармана очередной комплект смертоносных дисков с неудержимо острыми алмазными ободками. От мультисенсора не укрылся молниеносный – голова Гурона не шевельнулась, только метнулись туда-обратно зрачки – взгляд, проводивший упавший на пол детонатор. Абалкин явно посчитал, что успеет вернуться к этой бляшке позже, когда нейтрализует охотника. Он не успел – Экселенц выстрелил еще дважды.

Такого потрясения не мог выдержать даже самый нечеловеческий организм, включая андроидов глубоководной серии, равно как Номо Супер из пробирок гениального безумца Ионафана Перейры или зомбированных псевдодемонов Морганы, в разное время испытавших на себе действие боеприпасов этого класса. Не завершив поворот, Гурон стал как бы ниже ростом, сделал на подгибавшихся ногах пару неуверенных шагов по направлению к старику и медленно повалился на пол, зажав ладонью страшную сдвоенную рану возле правого плеча. Движение было чисто рефлекторным и указывало, что сознание Абалкина отключилось – в противном случае он занялся бы не этими крохотными дырочками, а огромными выходными отверстиями, зиявшими в спине.

Включив верхний свет, Экселенц покинул свое укрытие и осторожно двинулся к лежащему прогрессору, который даже в обморочном состоянии продолжал скрести пальцами по тетрилону, словно не оставил намерения ухватить детонатор. Держа пистолет наготове, охотник остановился в пяти шагах от самой опасной в его жизни дичи, когда громко распахнулись дверные створки, и в зал ворвались запыхавшиеся Мак и Водолей. Оба выглядели умеренно помятыми, как будто кто-то очень сильный и умелый отрабатывал на них приемы субакса. Экселенц даже догадывался, кто именно так круто обошелся с бравыми сотрудниками чрезвычайного розыска.

– Наконец-то явились, – проскрипел шеф, только сейчас почувствовав, как пересох его язык. – Вас только за смертью посылать.

– По-моему, это здесь смерть гуляла, – Мак глянул на распластанного в кровавой луже Гурона и вдруг удивленно воскликнул: – Шеф, а он, кажется, еще живой...

Презрительно фыркнув, старик подошел к установленному рядом с входом автомату, залпом выпил один за другим несколько стаканчиков газированного сока, после чего сварливо буркнул в ответ:

– Разумеется, живой. Даже недоучки вроде тебя должны знать, что летальный исход наступает лишь при поражении мозга, а я ему стрелял отнюдь не в лоб... Гриша, окажи первую помощь.

Гриша Серосовин, он же Водолей, бросился к распростертому существу, ловко стянул с Гурона тунику, затем выдавил на пулевые кратеры щедрую порцию коллоидного заживителя из походной аптечки. Кровотечение сразу прекратилось. Застонав, Абалкин пошевелился, веки его дрогнули, и вдруг раненый пробормотал:

– Стояли звери около двери. Они кричали – их не пускали.

– Что он бухтит? – насторожился Экселенц.

Старик ждал новых проявлений загадочной программы, заложенной Странниками в гены кроманьонских гамет. Невразумительный бред мог содержать важную информацию. Комментарий Мака несколько разочаровал ветерана борьбы за галактическую безопасность.

– Он придумал этот стишок еще в школе, если не раньше, – пояснил Максим. – Похоже на детскую считалку. Все, кто знал Абалкина в те годы, рассказывают, что он был буквально помешан на флоре и особенно фауне. Я же отмечал этот момент в отчете.

– Помню, – Экселенц кивнул, временно забыв о стишке. – Гриша, этот тип опасен. Как только залечим ему раны – снова бросится в бой.

– Я надену наручники...

– Желательно – на него, – к старику возвращалось чувство юмора.

Водолей уже входил в ментальный контакт: сидел рядом с Гуроном, скрестив ноги в позе древнего заклинателя змей. При этом он мягко касался краев ран подушечками пальцев. Теперь травмы выглядели не так ужасно. Чтобы не отвлекать Серосовина от сеанса полевой терапии, Мак сам нацепил титановые кольца на запястья Абалкина. Затем перевернул раненого на спину – так Грише было бы сподручнее заживлять входные отверстия. Краем уха он слышал, как Экселенц, приблизив к губам микрофон радиобраслета, вызывает оперативную группу из его, Максима Каммерера, отдела ЧР. И тут начались эксцессы.

Резким движением – откуда только силы взялись! – Абалкин оттолкнул Гришу и всем телом, по-змеиному извиваясь, метнулся вперед, пытаясь дотянуться до детонатора скованными руками. Опыт и предусмотрительность снова взяли верх над грубой силой – Экселенц и на этот раз опередил противника. Коротким толчком мокасины он отфутболил двухдюймовый диск к стене, а Максим прыжком настиг излишне прыткую дичь и отправил в глубокий аут, приложив по затылку классическим приемом субакса, известным среди профи под названием «черная дыра».

– Будет знать, как «поворачивать вниз» без предупреждения, – мстительно прошептал Мак, потирая отвыкшее от подобных перегрузок ребро правой ладони.

В тот же миг по ушам хлестнул пронзительный, на грани перехода в диапазон ультразвука, женский вскрик. Майя Глумова – смертельно бледная, с чудовищно расширившимися зрачками, побелевшими губами и неестественно выпрямленной спиной – медленно шла, пошатываясь, со стороны своей мастерской. Опустившись на колени около обездвиженного Абалкина, она затараторила перемешанные со всхлипами невразумительные причитания:

– Левушка, что с тобой случилось, кто с тобой это сделал, говорила я тебе, уезжай обратно, хоть куда-нибудь, пока не поздно, зачем ты полез в эту историю, знал же, что плохо

кончится, все равно не послушался, всегда такой был дикий, никого не признавал, все сам да сам, вот и помяла тебя проклятая машина Странников, как в тот раз медведь, а ведь и тогда я предупреждала, так нет, ты ж у нас лучше других все понимаешь...

Она горько разрыдалась, уронив голову на плечо лежащего, а тот вдруг перевернулся на бок и, не разомкнув плотно зажмуренные веки, снова забубнил:

– Стояли звери около двери... около двери... – он глотнул, застонал, на мгновение открыл глаза и закончил совсем слабым голосом, еле слышно: – В них стреляли, они умирали.

– Стреляли?!

Похоже, только сейчас Глумова смекнула, что травмы Абалкина имеют вполне земное происхождение, а техника древних пришельцев здесь абсолютно ни при чем. Бешеный взгляд – огромные глаза стали совсем черными, лишь узенькое серое колечко окружало зрачок – просканировал обстановку и сфокусировался на пистолете, который Экселенц убирал в подмышечную кобуру. Новый приступ истерики сопровождался истошными воплями: «Убийцы! Как я вас всех ненавижу!» Она отталкивала их, не слушая уговоров, что Абалкин нуждается в помощи, и только орала: «Ему ничего от вас не нужно, вы уже сделали все, что могли!»

Трое мужчин в легком оторопении беспомощно наблюдали, как она беснуется, и не представляли, что можно предпринять. А потом откуда-то появились двое незнакомцев атлетического сложения в серо-стальных одеждах, сумевшие навести порядок быстро и сноровисто – даже приснопамятный ротмистр Чачу позавидовал бы.

Тот, который выглядел постарше, мертвой хваткой взял Глумову за ворот блузы, приподнял рывком и, удерживая левой рукой в подвешенном состоянии, правой ладонью лениво и несильно отвесил пару звонких оплеух. Затем, убедившись, что истерика благополучно завершилась, он бросил полузадохнувшуюся Майю в объятия своего спутника, и тот, придерживая женщину за плечи, отвел к дальнему стеллажу, где усадил на какой-то экспонат, доставленный в музей то ли с Саулы, то ли с Дануты.

Максим принял к сведению профессионализм неизвестных союзников (так решительно и рационально могли работать только специалисты из какого-нибудь смежного ведомства) и попытлся сообразить, какая именно организация прислала подкрепление. А Экселенц проворчал беззлобно:

– Поздравляю. К нам приехал ревизор.

Старший незнакомец весело сказал:

– Привет, коллеги.

– Будем работать вместе? – спросил Экселенц. – Я имею в виду – по данному делу.

– Мы уже пятый день работаем вместе, – сообщил старший «ревизор». – И как раз по данному делу.

А Мак, не отрываясь, смотрел на второго гостя, который рассеянно поглаживал по плечу плачущую Глумову. Наконец-то шеф отдела чрезвычайного розыска узнал этого гуманоида, и все окончательно запуталось, потому что существовал старый, но никем не отменявшийся пункт Закона о Kontakтах, ограничивавший перемещение на обитаемые миры носителей иного разума. Было категорически запрещено впускать на планеты земной цивилизации представителей разумных видов, не вступивших в официальные дипломатические отношения с человечеством.

Боевик-подпольщик Тахи Орк просто не имел права находиться на Земле, а тем более присутствовать при проведении операций высшей степени засекреченности. Массаракш! Он вообще не мог нигде находиться и присутствовать, потому что погиб на родной планете Саракш почти двадцать лет назад!

2. Саракш. 21 декабря 57 года.

На рассвете в столицу вступила механизированная колонна – без малого четыре сотни освободившихся каторжников на проржавевших доисторических танках и броневиках. Мегаполис ошеломил их разгулом кладбищенского веселья: три миллиона полутрупов и несколько тысяч обезумевших резистов. На въезде в город отряд Инженера встречала половина Ревкома во главе с Копытом Смерти, который привел свою партизанскую бригаду двумя днями раньше.

Мак и Зеф стояли за спиной Вепря и наблюдали, как обнимаются старые бойцы, так и не сумевшие до конца поверить в свою победу. И к тому же не подозревавшие, что победа достанется столь жуткой ценой.

– Здесь то же самое... – угрюмо констатировал Инженер. – По всей трассе мы имели удовольствие лицезреть аналогичные пейзажи. Что с ними?

– Мак первым обнаружил эту болезнь и назвал лучевым голоданием, – сказал Вепрь. – За четверть века люди привыкли к излучению, и теперь их организмы отказываются работать без волновой подпитки.

– Есть какое-нибудь лекарство?

– Есть, но запас невелик. И врачей тоже не хватает.

– Крысы снова стали исключением, – добавил Инженер. – Их число не уменьшилось...

Омерзительные грызуны действительно превращались в проблему, соизмеримую с угрозой, исходившей от Островной Империи. Как установили цитологи земной базы, вариопластичные белковые рецепторы крысиных клеток легко перенесли исчезновение «белого» излучения (оно же – А-поле), и теперь бесчисленные стаи серых тварей хозяйничали в городах, обгрызая бесчувственные тела людей саракшианцев.

– Потом все обсудите, – вмешался в их беседу Копыто Смерти. – Разместим вас, накормим, в бане помоемся, а там и разговоры начнутся.

...Повстанцы и подпольщики, внезапно ставшие властью, обосновались в бывшем Императорском Дворце, где еще недавно жили Неизвестные Отцы. Самих Отцов больше не было: Папу, Дядю, Тестя и Кузена ликвидировала боевая группа Вепря – как только свалились от лучевой голодухи охранявшие Дворец легионеры. Потом общее командование приняли на себя освобожденные из Равелина вожди старого поколения – Генерал, Секретарь и Кузнец. Казни без суда и следствия прекратились, поэтому Брат, Свекор, Шурин, Умник и еще несколько министров пониже рангом отправились вместо виселицы в камеры и ждали, пока у новых правителей дойдут руки сформировать трибунал. А Дворец был переименован в Дом Свободы...

Колонна остановилась возле гвардейских казарм, в которых сейчас были расквартированы части повстанцев. Бронетехнику загнали в боксы машинного парка, где и без того хватало такого добра, к тому же – новейших моделей. Когда личный состав отправился в баню, Инженер возбужденно заявил:

– Феску, я в шоке. На всех улицах завалы – люди, собаки, автомобили. Ты видел? Канализация засорилась, а дождь не прекращается, и скоро весь город будет залит нечистотами... О мусоре я даже не вспоминаю!

Тик Феску, он же Вепрь, тихо вздохнув, ответил:

– Думаешь, мы не ужасаемся? Только ничего поделать не можем. У нас всего-то полторы тысячи штыков – еле хватает, чтобы поддерживать видимость порядка. Успели кое-как отмобилизовать наших, расчищаем улицы в центре, растаскиваем больных по квартирам, чтобы крысы их до скелета не объели.

Мак вмешался в их разговор, деликатно напомнив, что должен заглянуть в Институт.

– Ступай, – разрешил Вепрь. – К трем часам вернешься во Дворец и доложишь Ревкому, чем способна помочь наука.

Учреждение, возглавляемое Странником, носило вполне безобидное название – Институт низковольтных электротехнологий, но именно здесь, в ИНЭТ, велись все работы в области волновой психотехники. Кроме того, с некоторых пор Институт превратился в опорный пункт Комитета Галактической Безопасности, и сегодня резидент собрал на совещание руководителей основных оперативных позиций.

Резидентом был сам Странник, известный на Саракше под именем Леб Шомери, он же Павел Григорьевич Сикорский, переброшенный на эту идиотскую планету с должности начальника управления "К". Кроме него в кабинете сидели не менее колоритные фигуры: Карл-Густав Штирмер (Кохинор) – старший советник государственной контрразведки, Ричард Александер (Снайпер) – третий координатор столичного штаба подполья, а также Никандр Брегвазов (Черный) – референт вице-директора Департамента снабжения и заготовок. Пятым землянином был Максим Саввич Ростиславский, в недавнем прошлом – лоботряс из Группы свободного поиска, постоянно проживавший на планете Ружена, а ныне – член Ревкома по имени Мак Сим (подпольная кличка – Мак, что означало в переводе с местной фени – Стиллет).

Все оперативники, включая Максима, владели ситуацией, поэтому Странник не требовал полного отчета, а лишь продемонстрировал на многооконном голографическом мониторе сводные графики. Обстановка в крупнейшем государстве континента не просто напоминала катастрофическую – это была самая настоящая катастрофа.

После внезапного исчезновения поля психокоррекции сто тридцать миллионов саракшианских гуманоидов оказались поражены различными формами лучевого голодания. На ногах держались около миллиона резистов (прежде их называли «выродками») и примерно столько же или чуть больше обычных саракшиацев, на которых отключение излучателей действовало не слишком болезненно. В настоящее время Земля не имела даже технической возможности перебросить на Саракш необходимое количество медикаментов, врачей и продовольствия. К тому же подобная операция означала бы открытое вмешательство, для которого требовалось специальное постановление Всемирного Совета.

Более или менее благополучная обстановка сохранялась лишь в прифронтовой полосе, где мобильные генераторы военной жандармерии поддерживали А-поле слабой напряженности. Поэтому армейские корпуса пока удерживали оборонительный рубеж на хонтийской территории. Впрочем, командующие обоих направлений регулярно напоминали столичным инстанциям, что власть может меняться хоть ежедневно, но армия все равно нуждается в подвозе провианта, боекомплекта и прочих припасов.

Данные видеонаблюдения с орбиты указали на другую опасность – в последние дни резко активизировался флот Островной Империи. К берегам континента двигались небольшие группы многоцелевых подводных крейсеров, а в акваториях Архипелага концентрировалась колоссальная группировка, включавшая полторы сотни субмарин, дюжину авиаматов и бесчисленные армады грузовых кораблей. Все варианты компьютерного моделирования стратегической ситуации неотвратимо приводили к выводу, что «островитяне» готовятся высадить десант численностью до восьми полнокровных дивизий морской пехоты со всем тяжелым вооружением.

Остальные проблемы, вроде хромающей экономики, нехватки продовольствия и загрязненной природы, относились к числу хронических и на фоне главных бедствий представлялись не слишком важными.

– Как намерены новые власти выпутываться из этой ситуации? – хмурясь, осведомился Странник, когда завершилась демонстрация.

Мак открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя сообразил: вопрос адресован не ему, а более ответственному и опытному работнику резидентуры. Снайпер деловито доложил:

– Ревком, в основном, уладил организационные моменты и собрал информацию по губернским ячейкам трех партий, образовавших девять лет назад подпольный Фронт Сопро-

тивления. Насколько мне известно, Секретарь и Генерал всю ночь совещались с ведущими функционерами и полевыми командирами, чьи воинские части реально контролируют положение в стране. Сведений о принятых решениях в штаб не поступало. Как вам должно быть известно, мы пока не оборудовали апартаменты лидеров аудио-видео-устройствами проникновения, но уже завтра-послезавтра эта недоработка будет исправлена, и База сможет непосредственно наблюдать интересующие нас события. Пока же выскажу собственное мнение: Секретарь и впредь намерен опираться на своих партайгеноссе, то есть на старых конспираторов-прагматиков с имперским стажем. Я имею в виду Вепря, Матроса...

– Не повторяй общедоступных истин, – буркнул резидент. – Мак, что нового у тебя?

– У меня сложилось такое впечатление... – Максим замялся. – Вепрь и другие искренне хотят спасти всех, но не знают, как взяться за дело, чтобы не навредить еще больше. Вепрь просил выяснить возможности научного департамента.

– Ты в курсе наших возможностей. – Странник обвел коллег немигающим взглядом. – Кто-нибудь знает, для чего Копыто Смерти приказал своим боевикам вывезти из Равелина генерала Шекагу?

Известие оказалось для всех полным сюрпризом. Снайпер проямлил: дескать через штаб Ревкома такой приказ не проходил.

Кажется, сразу после этого они обсуждали какие-то второстепенные вопросы. Затем Странника вызвала на связь Земля. Терминатор сообщил, что конфиденциально прозондировал обстановку во Всемирном Совете и встретил неутешительную реакцию. Даже самые лояльные депутаты ударились в панику, узнав о несанкционированных действиях управления "К" на планете, существование которой было тайной даже для КОМКОНа. Таким образом, в ближайшее время сотрудникам галактической безопасности не стоит рассчитывать на поддержку остальных землян.

После совещания Максим отправился в Дом Свободы. Когда он, миновав все посты охраны, вошел в Восьмиугольный Зал, за столом сидел только Вепрь, позавчера назначенный министром безопасности. По-одному подтягивались остальные. Последними появились усталые и озабоченные Секретарь с Матросом.

Секретарь занял председательское место во главе стола и, убедившись, что Ревком в сборе, тихо заговорил рублеными фразами:

– У нас больше нет времени на долгие прения. Никто не ожидал такого цугцванга. Уничтожение Центра оказалось палкой о двух, как минимум, концах. С одной стороны, мы избавились от преступного режима, и это – благо. С другой стороны, большая часть соотечественников брошена на порог ужасной смерти. Если не удастся их спасти, мы станем величайшими преступниками в истории нации. Грош цена тогда нашей революции. Я жду ваших соображений.

Министр социальной защиты Лан Пешке (партийный псевдоним – Матрос) доложил: в столице всего тридцать врачей-резистов, которые работают круглосуточно. Удалось поставить на ноги несколько тысяч горожан, пораженных лучевым голоданием, однако запасы поливитаминов близятся к концу. Уже известны случаи летального исхода. Если не будет найдено радикальное решение, через пару дней в стране появится сто с лишним миллионов трупов, после чего многие резисты также вымрут от неизбежных эпидемий.

Вепрь выразительно посмотрел на Максима, и землянин торопливо доложил:

– В департаменте науки есть небольшой запас сыворотки. Примерно на восемь тысяч инъекций.

– Значит, будет кому трупы убирать, – проворчал Копыто Смерти.

– В первую очередь следует спасать детей! – взорвался Матрос.

– Дети без родителей обречены, – запальчиво возразила Кошка, министр просвещения. – Надо лечить целыми семьями.

– А кто будет отбирать семьи, которые заслуживают возвращения к жизни? Районные комиссии?

Максиму показалось, что Кузнец, произнося эти слова, укоризненно посмотрел на него: вот, мол, подорвал Центр, не подумавши о последствиях, а теперь по твоей дурости люди погибают. Министру промышленности ответил Инженер:

– Не горячись. Лечить будем всех. Или никого. Секретарь говорил, что есть такой план.

– План есть, – подтвердил премьер. – Нет единогласной поддержки.

– Если не найдем другого выхода, я сниму свои возражения, – мрачно сообщил Копыто Смерти. – Только пусть горец объяснит нам, что ждет этих бедняг. Неужели все помрут?

– Не все, – сказал Максим. – Примерно каждый десятый оклемается сам. Остальные – да, умрут. Не от болезни, так от голода.

– Стало быть, останется у нас миллионов пятнадцать, от силы двадцать, живых сограждан, – задумчиво резюмировал Секретарь. – С продовольствием на ближайший год проблем не возникнет, но лично мне такой сценарий не нравится... Значит, сделаем, как решили.

И он четко изложил требования Ревкома к департаменту науки: в кратчайшие сроки вновь накрыть страну сплошным А-полем, чтобы организмы не-резистов получили необходимую для метаболизма дозу излучения. Идеология – это прекрасно, однако жизнь людей несравненно дороже, а потому придется на некоторое время смириться с психокоррекцией. Кошка неуверенно предложила: дескать, попробуем заодно внушить пробужденным добрые чувства к резистам. Вепрь веско добавил: и полный спектр лояльности к новому правительству.

– А как насчет «черного» излучения? – спросил кто-то.

Ответа не последовало. Максим вспомнил недавнее свое твердое намерение расшибиться в блин, но не допустить повторного включения генераторных станций. Теперь он чувствовал себя полным идиотом: любое возражение со ссылкой на аморальность психокоррекции означало смертный приговор для ста миллионов аборигенов... Он вздохнул и набрал номер на телефонном диске.

– Они что, сдурели!? – зарычал Странник.

Впрочем, резидент долго возражать не стал и пообещал перезвонить через полчаса. А в восьмиграннике зала заседаний появился очень свирепый на вид генерал Тоб Шекагу, успевший сменить клетчатый тюремный балахон на повседневный мундир с серебряными крестами на погонах и воротнике. К этому воюке отношение у революционеров было двояким: хоть и славился он, как махровый милитарист, но в то же время попадал в разряд жертв прежнего режима. Как известно, генерал был арестован накануне взрыва телецентра по личному приказу Папы – Неизвестные Отцы явно собирались сделать его козлом отпущения, на которого предстояло повесить ответственность за разгром ударной группировки.

Секретарь представил Шекагу как нового начальника Генштаба. Короткий обзор стратегической обстановки, зачитанный генералом, поверг членов Ревкома в шоковое состояние. Шекагу вовсе не считал войну проигранной. По его словам, мобильный корпус, который провалился в глубину Хонти и был там окружен, прочно удерживал позиции на Занхайской возвышенности, приковав к себе превосходящие силы противника. Шекагу объявил, что пора прекратить болтовню насчет операций по деблокированию. Напротив, следовало послать транспортные самолеты, чтобы с воздуха сбросить окруженным соединениям запас аккумуляторных батарей для генераторов А-поля. Затем верховный стратег намеревался сосредоточить на южном фланге фронта дополнительные соединения, чтобы окончательно решить хроническую хонтийскую проблему в кратчайшие сроки, то есть до высадки морской пехоты «островитян».

Потом был звонок от Странника: резидент велел передать Ревкому, что в институте начали монтаж усилителя, который позволит ретранслировать слабые модулированные сигналы на частотах «белого» излучения.

– Они – не такие уж дураки, – буркнул на прощание Павел Григорьевич. – Нашли-таки решение, близкое к идеальному.

Пока землянин разговаривал с шефом, на заседание просочился Крыло Ужаса – совсем молоденький (наверное, он был ровесником Максима) поручик в мундире летчика. Оказывается, многие из членов Ревкома знали его по прежним временам, когда юный офицер возглавлял подпольную ячейку в штабе авиации столичного военного округа.

Четко отсалютовав, Крыло Ужаса доложил, что четверть часа назад возвратился из рейда над океаном. Во время полета звено реактивных штурмовиков-гидропланов под его командованием обнаружило, атаковало и серьезно повредило белую субмарину. Вражеский корабль выбросился на отмель, откуда теперь без посторонней помощи не слезет даже во время прилива...

К вечеру снова заработали излучатели, разбросанные по всей стране под видом комплекса ПБЗ – противобаллистической защиты. Спустя несколько часов большинство жителей государства пришли в чувство и внимали трансляциям резервной телестудии, внушавшей населению почтение к программе новых властей. Главный упор агитаторы делали на мысль о неразумности той неприязни к честным согражданам, которых лживая пропаганда преступного прежнего режима подло называла «выродками».

В ту же ночь Максим во главе ударного отряда, составленного из боевиков-повстанцев и совершенно обескураженных легионеров, захватил поврежденную подводную лодку. Документы, обнаруженные в сейфе, а также показания уцелевших после боя имперских офицеров дали стратегам местного Генштаба и земной Базы достаточно полное представление о разработанных Островной Империей планов вторжения на континент.

Прошли годы. Странник, резидент Галбезопасности на Саракше, превратился в Экселленца, президента Комиссии по Контролю (КОМКОН-2). Максим тоже вернулся на Планету и теперь возглавлял отдел Чрезвычайного Розыска при центральном аппарате того же компетентного ведомства.

А с Крылом Ужаса, который сделал стремительную карьеру и вскоре был уже бригадиром, Маку пришлось немало поработать в бурные годы своего пребывания на Саракше. Крыло Ужаса топил авиаматки, войсковые транспорты и подводные лодки, он превращал в труху жандармские колонны, стремившиеся напоить кровью мятежную столицу. Дважды он поражал воображение верховного командования, когда прорывался, презрев нечеловеческую боль, сквозь барьеры депрессионного поля. Короче говоря, Крыло Ужаса был ярким героем первых дней революции, а потому – таковы уж законы социума – имел прекрасные шансы бесследно исчезнуть на последующих этапах, когда на смену романтике разрушения старого общества приходит прагматичная скука созидания новой жизни.

Заделавшись на Саракше махровым циником, Максим даже высказался как-то в узком кругу: мол, Крылу Ужаса крупно повезло, что не вернулся из самоубийственного рейда на столицу Островной Империи, а не то загремел бы на полную катушку чуток попозже, когда разгорелась свара между Секретарем и Кузнецом. Кстати сказать, после того конфликта президентом стал Вепрь, премьером – Матрос, военным министром – фельдмаршал Шекагу, а Хонти и Пандея незаметно для самих себя снова превратились в провинции бывшей своей метрополии.

Настоящее имя Крыла Ужаса было Тахи Орк. На одной из новых площадей имперской столицы стоял его бюст – в ознаменование подвига пилота, стратегический ракетоплан которого нанес решающий удар во время большой войны против Архипелага. И вот теперь, двадцать лет (прямо как у папаши-Дюма) спустя, вопреки всем законам Земли и природы, геройски погибший бригадир загадочно ухмылялся в выставочном зале музея внеземных культур.

3. Земля. 5 июня 78 года.

Прибыли подчиненные Каммерера, и в зале сразу стало многолюдно. Оперативники из отдела ЧР с любопытством поглядывали на незнакомцев в серых костюмах спортивного покроя. Именно такую несковывающую движений одежду носили сотрудники некоторых ведомств, когда предвиделись бурные активные мероприятия. Скорчив непонятную мину, Экселенц сообщил:

– Сподобились, мальчики. В игру вступила Вышестоящая Организация... Знакомьтесь, это наши коллеги из... – он странно оскалился. – Из института теоретических проблем социальной прогностики. Перед вами Тирекс, он же директор ИТПСП Андрей Дювивье. Можете любить и жаловать, хотя сам он этого добиться не способен. Ни от кого.

Старший из теоретиков прогностики приветливо кивнул и весело сказал:

– Я тоже рад тебя видеть. – Пожав руки комконовцам, Дювивье продолжил, хлопнув по плечу Тахи Орка: – Наш старший инспектор, то есть научный сотрудник Вальтер Лайнус.

– Проще говоря, Тахорг, – сказал Тахи Орк. – Кажется, коллега Мак меня не узнает. Помните, мы вместе работали в резидентуре на Саракше?

– Помню, – буркнул Каммерер. – И, признаться, удивлен, что в штате земного института состоит ксеногуманоид.

Старики переглянулись и вдруг захохотали так громко, что Сандро с Гришей даже прервали сеанс врачевания, недоуменно разглядывая веселящееся начальство. Кое-как подавив приступ смеха, Тирекс проговорил:

– Успокойся, парень, инопланетяне в моем хозяйстве не могут работать по определению.

Тут Максим наконец сообразил, в чем дело, и сконфуженно пробормотал:

– Сколько же землян побывало тогда на Саракше...

– Много, – сказал Экселенц. – Намного больше, чем ты можешь предположить. Мы пропустили через Саракш и Гиганду почти весь личный состав Комитета. Но больше всего наших работало, конечно, на Саракше.

– Да, Саракш сильно изменил всех нас. – В голосе Тирекса лязгнула ностальгия. – И ставший привычным возглас «массаракш!» – это просто мелочь. Мы переняли у Неизвестных Отцов принцип анонимности руководства, и отточенную систему служебных псевдонимов.

– И еще Саракш заразил нас «черной» поэзией, – добавил Экселенц. – Ну, молодежь, что сказал бы Верблибен по поводу такого вот безобразия?

Он обвел руками музейный зал. Клавдий с готовностью продекламировал:

Подвластны лишь любви и смерти

Все возрасты и думы все на свете.

– Да, насчет смерти вы очень уместно напомнили, – Тирекс покосился в сторону Глумовой и покачал головой. – И насчет любви тоже... Ладно, Павлик, расскажи нам, что тут произошло.

Экселенц скучным голосом предложил просмотреть видеозапись, которую вели расставленные в зале скрытые камеры, а затем приступить к форсированному допросу Гурона. Его прервал возмущенный вопль Глумовой:

– Объяснит мне кто-нибудь, что случилось слевой?

Она словно очнулась после ступора и двинулась на оперативников, потрясая кулачками. Теперь, когда жизни Абалкина вроде бы ничего не угрожало, ситуация на глазах теряла недавнюю остроту и все сильнее напоминала дешевый фарс. Каммерер невольно заулыбался, наблюдая комичную воинственность этой хрупкой дамы.

Впрочем, оставались непонятными пикантные обстоятельства, которые немного смущали Максима. Шеф отдела ЧР не мог уразуметь, что здесь делают сотрудники Института

прогностики и почему Экселенц словно побаивается их. Во всяком случае, глава КОМКОНа-2 явно уступил лидерство Тирексу. И уж совсем неясно было, с какой радости старый дьявол назвал прогностическое ведомство «вышестоящей организацией»...

– Не волнуйся, девочка, здесь не произошло ничего страшного, – примирительно сказал Тирекс, мягко отстраняя Глумову. – Ваш приятель не захотел послушать доброго совета, а потому пришлось его остановить.

– Но в Леву стреляли! – она поделилась этим тонким наблюдением, сделав очень большие глаза.

– Мы заметили, – Тирекс пожал плечами. – Дело житейское, в меня тоже не раз стреляли... Смерть бродит по пятам за каждым, как говаривал тот же Верблибен.

Его нарочито рассудительный тон произвел неожиданную реакцию. Угадав плохо скрытую издевку, Глумова рассвирепела.

– Вы все – преступники! – яростно закричала она. – Что он вам сделал, почему вы так его ненавидите?! Вам мало, что сломали человеку жизнь, вы не успокоитесь, пока до смерти не убьете!

Экселенц, которого события последних дней неуклонно превращали в комок оголенных нервов, тоже не выдержал и взорвался, как давеча, когда выяснял отношения со старым психопатом Бромбергом. Старик буквально зашипел – совсем как потревоженная в разгар течки самка пандорского ракопаука:

– Никто не собирался убивать вашего друга! Остался бы он целехонек, если бы не применил оружие первым... – Сикорский умолк, затем, махнув рукой, скомандовал: – Гриша, Клавдий, несите раненого в машину и – к нам, в Комиссию.

– Не к вам, а к нам, – неожиданно вмешался Тирекс. – У тебя скоро начнется паломничество. Все, кому не лень, полезут с добрыми намерениями.

Задумчиво потирая лысину, Экселенц согласился:

– Да, пожалуй, лучше к тебе...

– Никуда вы его не повезете! – снова закипела Глумова. – Я не позволю банде бездушных садистов забрать...

Кажется, Майя собиралась излить на них всю бездну своего гнева, однако Тирекс, свирепо прищурившись, оборвал ее вопли:

– А я припоминаю, как лет восемнадцать назад на планете Ковчег одна сопливая неврастеничка, желая привлечь к собственной персоне внимание начальника экспедиции, включила сигнальный прожектор. Экзальтированная девица даже не задумалась, что, улаживая свою личную жизнь, она едва не уничтожила древнейшую цивилизацию Галактики. Это я к вопросу о том, кто здесь преступник... – он кивнул Тахоргу и негромко приказал: – Исполняйте.

Тахорг нажал нужные сенсоры на пульте дистанционного управления, и носилки, на которых лежал спеленутый эластичными лентами Гурон, зависли в метре над полом. Молодые оперативники, взявшись за угловые петли, потащили летающее ложе к выходу. Уже возле самых дверей Тахорг небрежно бросил через плечо:

– Между прочим, Майя Тойвовна, мы так и не смогли установить, кто же доводится отцом вашему сыну...

Женщина вздрогнула, опустила голову, бросив изподлобья взгляд, в котором светились обида и растерянность. Ничего не ответив, она медленно опустилась на заднее сиденье парового автомобиля псевдогоминидов Тагоры и демонстративно отвернула голову от обидчиков.

Удовлетворенно подняв брови, Тирекс попросил Каммерера, на правах старого знакомого, увезти женщину домой. «И постарайтесь поговорить с ней по душам», – шепнул он доверительно. Тут в экспозиционный зал ворвался упитанный дяденька, зычно потребовавший объяснить, что здесь происходит. Несмотря на растрепанный вид – дяденьку явно подняли из

койки, и он одевался второпях – Максим узнал директора музея внеземных культур Гранта Хочикяна.

– Происходит восстановление административного порядка, – вежливо сообщил Экселенц. – В вашем хозяйстве черт-те что творилось.

Директор взмахнул руками, покачал головой и не без вызова осведомился:

– Ну и как, восстановили?

– Почти, – кивнул Экселенц.

– Тогда попрошу немедленно покинуть помещение. Доступ посетителей в музей будет открыт завтра же. И можете не сомневаться – я обязательно проинформирую власти Города и Планеты об учиненных вами nepотребствах... Майя Тойвовна, прошу в мой кабинет. Расскажите, что натворили здесь эти невежды.

Хочикян презрительно мотнул головой, указывая посторонним на выход, и при этом зацепился взглядом за контейнер с детонаторами. Директор был так возмущен, что поначалу утратил дар речи, однако указанный дар быстро вернулся к владельцу, и почтенный Грант Арамисович поднял жуткий хай. Кажется, его интересовало, каким образом в зале традиционных технологий очутился бесценный экспонат 15/156А, коему положено находиться в спецсекторе предметов неустановленного назначения.

Похоже, музейный бонза осточертел не только Максиму, но и старшим товарищам. Зловеще улыбаясь, Тирекс произнес:

– Уважаемый коллега прав лишь отчасти. Упомянутый экспонат вообще не должен находиться в этом музее, а потому будет изъят на предмет эвакуации.

Директора МВК чуть не хватил родимчик, и он принялся перечислять грозные законодательные акты, согласно которым ни один экспонат не может быть изъят из какого-либо музея. Не дослушав эту лекцию, Экселенц изобразил скучающую гримасу и проговорил, стараясь не быть слишком невежливым:

– К вашему сведению, данное устройство не может быть признано музейным экспонатом. Вы забыли пункт Дэ-девять. Предметы внеземного происхождения, представляющие угрозу для жизни и здоровья людей, не подлежат хранению на населенных планетах. Мы не раз предупреждали, что объект потенциально опасен, но вы не желали слушать. Теперь же данной мне властью объявляю этот предмет особо опасным. Контейнер будет немедленно отправлен в Глубокий Космос.

Заметно освобожденный от куража Грант Арамисович робко попытался завязать дискуссию, однако Тирекс заткнул его, проговорив мягким вкрадчивым голосом:

– А если кто-нибудь вздумает препятствовать мерам по обеспечению безопасности граждан, то я вывернусь наизнанку, но проведу через все инстанции полный букет взысканий. Включая общественное порицание первой степени и вердикт о профессиональной несостоятельности.

Никогда еще Максиму не приходилось видеть на Земле, чтобы человек сломался так быстро. Где-нибудь на Саракше подобное происходило на каждом шагу, но для благоустроенных миров – случай форсмажорный. Хочикян покорно побрел к выходу и только у самого порога буркнул, не оборачиваясь:

– Делайте, что хотите.

Не обращая на него внимания, Тирекс приказал Тахоргу забрать детонаторы, а потом вдруг сказал с недоумением в голосе:

– Между прочим, Павлик, этот малахольный был прав. Я тоже не понимаю, почему контейнер оказался в другом зале?

– Меня интересовало, найдет ли Гурон нужные ему предметы, если те будут спрятаны в неподобающем месте.

– И ведь нашел, – задумчиво проговорил Тирекс. – Значит, все-таки есть у «подкидышей» чутье на эти шайбы...

И тогда Глумова в очередной раз закатила истерику, остервенело размахивая рукой, сжимавшей детонатор. Перед глазами Максима промелькнула отчетливая, словно кадры студийной голограммы, картинка: Абалкин в броске пытается схватить покрытый ворсом диск, а Сикорский ударом ноги отшвыривает детонатор в сторону того самого пароката, возле которого сейчас стояла Майя. В последовавшей суматохе все как-то забыли о детонаторе, а Глумова, как на грех, подобрала...

– Снова эти идиотские артефакты! – с отчаянным ожесточением выкрикивала она. – Все из-за них случилось! А вы устроили ловушку – и радуетесь?! Вот вам, вот вам!

Вряд ли она понимала, что делает, когда с размаху шмякнула детонатор об пол и принялась топтать крохотный диск. Спустя секунду оперативники оттащили обезумевшую женщину, однако было слишком поздно. Проклиная Глумову и суля ей широчайший спектр экзекуций, Тирекс бережно убрал обломки детонатора в стандартный футляр для вещественных доказательств и кинул Максиму, крикнув:

– Это – в вашу лабораторию! Быстро!

В отделе научно-технической экспертизы Мака встретила усиленная бригада, которая физически не могла бы собраться за то короткое время, пока начальник отдела ЧР летел на флайере. Очевидно, Экселенц заблаговременно приказал им остаться в ночную смену. Так или иначе, обломки скрылись в урчащей пасти анализатора, и все взгляды сосредоточились на мониторах.

– Разрушение протекает, но очень медленно, – резюмировал по прошествии четверти часа Оливер Лист, шеф ОНТЭ. – Детонатор Нильсена деградировал примерно втрое быстрее.

Этот рапорт главный эксперт отдал лично Экселенцу – через радиобраслет. Спустя три секунды заработал такой же браслет, надетый на левое запястье Максима.

– Тебе там делать нечего, – сказал раздраженный голос президента Комиссии. – Лети к нам.

– В музей?

– Нет, мы уже в конторе Андрея. Если не знаешь курса, держи пеленг...

Над дисплеем браслета засветилась курсовая голограмма.

Институт теорпроблем соцпрогностики притаился в уютном парке за Бирюзовой набережной. Максим постоял немного под высоченными голубыми елями, подставив лицо каплям заморосившего под утро дождя, а затем, когда поперек неба разлапилась белесая паутина молний, решительно вошел в здание. В вестибюле его ждал молоденький сотрудник, который представился кодовым именем Тарантул. Похоже, все личные коды в этом заведении начинались с буквы "Т".

– Прибыл Мак, – сказал Тарантул в микрофон радиобраслета, а затем, выслушав ответ руководства, добавил: – Слушаюсь, шеф.

Мембранная завеса входа потеряла непроницаемость, и Мак прошел сквозь ставшую почти неощутимой субстанцию. Пропустив посетителей, мембрана немедленно восстановила свойства. Прогностическое ведомство напоминало крепость, готовую встретить вражеское нападение – подобные меры самозащиты даже КОМКОН-2 принимал разве что в особо угрожаемые периоды. Порывшись в памяти, Максим вспомнил лишь один такой случай – семь лет назад, когда из лаборатории Серджо Альвадини сбежал дефектный киборг...

Тарантул привел его к следующей двери, которую также дублировал силовой щит. На стене рядом с притолокой светилась плоская растровая картинка – Тиранозавр Рекс, разжавший челюсти в добродушной улыбке. Очевидно, это был кабинет директора.

Внутри Максим обнаружил обоих стариков, поглощенных допросом Абалкина. Последний полулежал в кресле, напоминавшем противоперегрузочные лежа, какими оснащались пла-

нетолеты в легендарные времена освоения Марса и Венеры. Укутанный по самый подбородок в смиренный скафандр жесткого типа Гурон не мог пошевелиться, да и разговаривал с заметным трудом.

– ...не вижу причины общаться с вами, – сказал он слабым голосом.

– Прекратите демагогию, Гурон, – повысил голос Тирекс. – Вы бросили ответственное задание, поставив под угрозу жизнь своих коллег на Саракше. И вам придется объяснить, почему вы пытались убить метательными дисками нашего коллегу на Земле.

– Не убить, – тихо сказал Абалкин. – Рана в корпус не смертельна. Я просто хотел, чтобы мне никто не мешал. Вероятно, я был не совсем прав.

Формально Гурон не врал, однако Дювивье продолжал давить фактами. Не трудно было понять, куда он гнет: Тирексу хотелось выяснить – до какой степени Абалкин остается человеком. Остальных этот вопрос интересовал ничуть не меньше. Гурон же обсуждать такие проблемы отказывался, ссылаясь на свое право не отвечать на идиотские вопросы. Впрочем, Абалкин явно начинал нервничать, словно откровенно высказанные подозрения задели его за живое.

– Ладно, Андрюша, не стоит валить все вопросы в одну кучу, – сказал вдруг Экселенц. – У нас достаточно времени, чтобы подробно поговорить... Лева, постарайтесь быть немного серьезнее и объясните, что случилось с Тристаном. Ведь именно после той истории в джунглях вы почему-то бросились на Землю и учинили такой кавардак.

Абалкин неожиданно застонал, потом пробормотал:

– Когда Тристана ранили, я тащил его к кораблю и отстреливался от боевиков контрразведки. В это время он сказал в бреду, что я – не человек. Потом он умер, а врагов было слишком много, поэтому я решил бросить тело, иначе и сам не ушел бы. Уже в кабине бота, пока летел на Базу, я понял, что должен срочно отправиться на Землю и выяснить, кто я на самом деле... – он испустил еще один стон. – Может, вы способны внятно растолковать, что же я такое?

Экселенц пребывал в несомненном затруднении, поскольку не знал требуемого ответа. Погладив ладонью сверкающий череп, старик собрался что-то сказать, но тут следивший за приборами Тахорг обеспокоенно сообщил:

– Кажется, он потерял сознание.

Окружив ложе задержанного, они убедились, что коллега не ошибся. Гурон тяжело дышал с закрытыми глазами и не реагировал на попытки привести его в чувство. Тирекс пробормотал недоуменно:

– Симулирует. Его раны не настолько серьезны.

– Боюсь, дело уже не в ранах, – задумчиво сказал Сикорски. – Жизнь каждого из них каким-то образом связана с детонатором. А эта неврастеничка растоптала его «шайбу»...

– Похоже, ты прав, – после непродолжительного размышления признал Тирекс, рассеянно изучая показания аппаратуры. – Ого, что это?

Последняя фраза явно была адресована Тахоргу. Максим тоже приблизился к терминалу, пытаясь разглядеть голограмму, заслоненную силуэтами стариков. Впрочем, яркая палитра причудливо плясавших трехмерных осциллограмм мало что говорила начальнику отдела ЧР. Не в пример Максиму, ветераны с живым интересом взирали на дьявольские скачки разноцветных узоров. Наконец Экселенц, не прекращая остервенело оглаживать лысину, встревоженно изрек: дескать, состояние арестованного ухудшается прямо на глазах. Вместо ответа Тирекс выделил лучом фотоуказки сравнительно статичный участок розовой линии. Таких параметров не может иметь ни одно живое существо Земли, сказал он. Почти ни одно, сварливо уточнил милейший Павел Григорьевич, он же Рудольф Сикорски, он же много чего еще. И тогда в диалоге резвившихся стариков впервые прозвучало слово «Тамир».

Машинально (все еще напоминали о себе рефлексy, наработанные армейским стажем на Саракше) Тахорг вытянул руки по швам, после чего вызвал подмогу. Трое юнцов, облаченных в легкомысленные извращения кутюрье-модернистов, увезли Гурона вместе с креслом.

– Куда его?

Максим задал этот вопрос почти неосознанно, исключительно из профессионального любопытства. Он чувствовал себя, как выжатый лимон, хотя не до конца понимал смысл этой идиомы, которую вычитал много лет назад в одном старинном романе.

– В надежное местечко подальше от детонаторов, – сообщил Тирекс. – Там его подлечат.

– Перестраховщики хреновы, – усталым голосом простонал Максим. – Нет больше у него детонатора. Нетути!

– Интересное соображение, – Тирекс усмехнулся. – А кто тебе сказал, что «подкидыш» обязательно должен воспользоваться именно «своим» детонатором?

– Для чего «воспользоваться»? – парировал Каммерер.

Экселенц захохотал и поведал, что Мак, сам того не ведая, повторяет вопросы, которые еще сорок лет назад были очень популярны на сессиях Спецкомиссии по «проблеме Второй Чертовой Дюжины». Кстати, ответов на те вопросы до сей пор не найдено. Я протоколы ваших сессий не читал, огрызнулся сконфуженный Максим. Почитаешь, когда подрастешь, – заверил Тирекс-Дювивье.

Их перепалку прервали звуки зуммера, запищавшего в радиобраслете Тирекса. Потом послышался знакомый голос:

– Шеф, это Тарантул. Мы перехватили разговор Глумовой с Комовым. Они общались по закрытому каналу спецсвязи КОМКОНа-первого.

Максим очень надеялся, что сумел не выдать своего изумления, но ситуация уже стала донельзя пикантной. Мало им брать под плотный прессинг Глумову, так умудрились даже подслушивать суперзащищенные линии спецсвязи. Ну-ну... Однако старики, явно ожидавшие чего-то в подобном роде, выглядели вполне удовлетворенными.

– Прокрути запись, – приказал Тирекс.

Сотрудники братских ведомств сидели полукругом, а в центре этого геометрического узора загорелась голограмма. Две фигуры от пояса и выше. Геннадий Комов, президент Комиссии по Контактaм с внеземными цивилизациями (КОМКОН-ВЦ или просто КОМКОН-1) и Майя Глумова, музейный работник. Член Всемирного Совета и вероятная соучастница предполагаемого пособника Внешней Угрозы. Очаровательное сочетание.

КОМОВ: Что случилось?

ГЛУМОВА (кусает губы): Беда, Гена... Они взяли Леву.

КОМОВ: Кого? Ты имеешь в...

ГЛУМОВА: Да, да, да! Прямо в музее. Ему зачем-то понадобились эти штуки Странников, которые хранились у меня в спецсекторе.

КОМОВ (задумавшись): Детонаторы. Значит в его генах все-таки проснулась программа... Но как удалось его схватить? Прогрессоры такого класса не сдаются.

ГЛУМОВА: Сикорски стрелял в него, хотел убить.

КОМОВ (недоверчиво): Убить? Неужели стрелял из скорчера?

ГЛУМОВА: Нет, у него был реактивный «герцог» сто семидесятого года. Двадцать шестой калибр.

КОМОВ: Вот видишь, старина Руди вовсе не добивался летального исхода. Иначе воспользовался бы чем-нибудь посolidнее.

ГЛУМОВА: «Герцог» – это более чем серьезно.

КОМОВ: Для обычного человека – может быть. А Сикорски был уверен, что организм Гурона снова изменился.

ГЛУМОВА: Снова? На что ты намекаешь?

КОМОВ: К примеру, на причину, по которой у вас с ним не получилось потомства. Тогда, в школьные годы.

Тут Майя в очередной раз рассвирепела и заявила дрожащим от ярости голосом: мол, ты всегда ревновал даже к разговорам о нем. На это прославленный Следопыт и контактер, разведя руками, признался, что никогда не считал себя серьезным соперником Гурона. Его собеседница быстро успокоилась, после чего разговор возобновился в обычной тональности.

ГЛУМОВА: Что мне теперь делать? Обратиться в прессу, подать жалобу в Мировой Совет?

КОМОВ (задумчивый взгляд устремлен куда-то за пределы голограммы): Наверное, это не имеет смысла. Абалкин оказывал сопротивление?

ГЛУМОВА: Еще как! Чуть не зарезал лысого старика алмазными дисками... Ох! Я только сейчас сообразила. Сикорски говорил, будто Лева первым применил оружие.

КОМОВ: Очень может быть. Наверняка он уже перестал быть человеком, и потому шел к цели напролом, ни перед чем не останавливаясь. Что ему жизни низших существ.

ГЛУМОВА (запальчиво): Чушь несешь! Просто Лева провел слишком много времени в шкуре имперского офицера. Каждую секунду опасности ждал. Такая работа, естественно, наложила отпечаток на психику. Как и все твои прогрессоры, он в грош не ставит чужую жизнь, потому что привык рисковать своей собственной. Сработали рефлексy – и он машинально бросил эти диски, как сделал бы на Саракше.

КОМОВ: Допустим. Кто конкретно участвовал в задержании?

ГЛУМОВА: Вся банда с базы «Саракш». Сикорски, Дювивье, Каммерер, Лайнус. Потом подтянулся молодняк вроде Серосовина и Мтбевари.

Кажется, ей впервые удалось серьезно удивить шефа КОМКОНа-1.

КОМОВ: Ого! Сразу два управления Галбеза... Да, это серьезно.

ГЛУМОВА: При чем тут Галбез? Ведь мы отрубили башку этому монстру.

КОМОВ: Не будь ребенком. Комитет расформирован чисто номинально. Они сумели сохранить прежнюю иерархию. КОМКОН-второй, экспериментальные историки, космическая спецтехника и прочие ведомства до сих пор подчиняются не столько Мировому Совету, сколько своей Вышестоящей Организации, и ничего поделать с этим невозможно.

Просмотрев запись до этого эпизода, Максим сделал еще одну зарубку в нейронных регистрах памяти. Он не забыл, как совсем недавно его родной непосредственный шеф уже упоминал некую Вышестоящую Организацию. А голографический образ Майи Тойвовны продолжал нервно требовать невозможного.

ГЛУМОВА: Меня не интересуют ваши политические интриги! Сейчас важнее всего судьба Левы.

КОМОВ: Успокойся, твоему ненаглядному ничего не грозит. Законных оснований изолировать прогрессора нет или почти нет. Через пару дней его отпустят.

ГЛУМОВА (виноватым голосом, отводя взгляд от объектива видеофона): Геночка, я еще не рассказала тебе одну вещь. Там в музее я сделала... Такая была злая, совсем голову потеряла. Ты же знаешь, со мной такое часто случается... В общем я растоптала его детонатор.

Теперь разъярился Комов. Кажется, будь она рядом – разорвал бы в мелкие клочки. Комов очень концентрированно вывалил на собеседницу все неприятные слова, сохранившиеся в нормативной лексике и стремительно приближался к эфемерной грани, отделяющей стандартный запас слов от области нецензурных высказываний.

– Идиотка! – орал он, размахивая кулаком. – Ты его погубила, истеричка несчастная. Только гадить умеешь, как тогда на Ковчеге!

– Ты знаешь, почему я сделала это на Ковчеге, – сказала Майя вызывающе. – Это даже старый хрыч Дювивье знает! Если такой умный – скажи, что теперь будет с Левой.

– Понятия не имею, – буркнул взъерошенный и невероятно злой Комов. – Никто этого не знает. Может быть, даже сами Странники – и те не знают.

– Я не прощу себе, если слевой что-нибудь случится по моей вине, – она снова захлюпала носом. – Даже не представляю, что я тогда сделаю.

– Вот и начинай потихоньку представлять, – мрачно посоветовал Комов. – Что-нибудь обязательно случится.

Он не стал говорить, что в связке «подкидыш-детонатор» гибель одной компоненты, как правило, сопровождается аналогичной неприятностью с другим участником этого парного симбиоза. Наверняка знал о столь важном обстоятельстве, однако вслух не сказал. Может быть, не хотел пугать Майю, а может, она тоже была посвящена в такие нюансы. Мысленно Максим сделал следующую зарубку, регистрируя очередную нелогичность, всплывшую в ходе этого в высшей степени любопытного разговора. Впрочем, он резонно предполагал, что на самом деле тут наверняка имелась какая-то логика, но только последняя ему, Максиму Ростиславскому (ныне Каммереру), была непонятна.

Комов явно говорил неискренне, либо не разбирался в ситуации. Например, он напрасно считал, что Гурон и прочие Подкидыши обречены на бесплодие. Конечно, кроманьонцы принадлежали к другому биологическому виду и сильно отличались от современного человека, над которым за последние два столетия хорошо поработали генетики. Тем не менее проблема относилась к числу решаемых. Например, тот же Корней Яшмаа прошел курс хромосомной терапии, после чего у него родился сын. Сомнительно, чтобы Комов не знал об этом...

А разговор, записанный «прогнозистами», явно миновал кульминацию и теперь близился к финишу. Комов не очень настырно пытался успокоить Глумову, та продолжала взбрыкивать, а под самый занавес сообщила как бы между прочим:

– Да, кстати, если тебе интересно... Они интересуются отцом моего мальчика.

По лицу Комова мелькнула неуловимая гримаса. Следопыт пожал плечами и пробурчал невнятно:

– При чем тут это... Ладно, мы заболтались. Утро вечера мудренее.

Голограммы погасли. Сначала отключился от связи Комов, потом вырубился видеофон Глумовой. Сикорски и Дювивье придвинули поближе кресла и принялись перешептываться. Глаза стариков азартно сверкали, конфиденциальный обмен мнениями неприлично затягивался. Максим с Тахоргом нетерпеливо переглядывались, но крепились и, от безысходности, закатали ностальгический диспут, вспоминая добрые старые времена и общих знакомых по Саракшу.

Наконец Экселенц, кряхтя, поднялся и задумчиво проговорил в полный голос:

– Комов – фанатичный охотник на Странников. Такой пойдет на все, лишь бы взять их след.

– Не думаю, чтобы он сумел активизировать программу «подкидыша», – мгновенно возразил Тирекс. – Комов и все подчиненные ему структуры знают о детонаторах не больше нашего. Нет, Гурон слетел с катушек без участия Комова.

– Разберемся. В конце концов, ситуация подозрительно смахивает на дело «Летучей Кошки».

Осмелившись прервать выходившую на новый виток дискуссию, Максим заговорил задумчиво, как бы размышляя вслух:

– Меня всерьез заинтриговала та часть этой записи, где они завели речь о Высшестоящей Организации. Странная получается картина. Посторонние люди об этом знают, а я, начальник ключевого отдела, впервые слышу.

Соглашаясь с ним, Тахорг покивал, но Экселенц язвительно парировал:

– Тебя должно было обеспокоить другое – что эта девчонка знает в лицо и по именам всех нас, включая младших инспекторов... А по поводу Коллегии вы получите информацию в ближайшее время.

– Буквально через час-другой, – подтвердил Тирекс. – Я подробно вам расскажу обо всем в салоне «Трицератопса».

– Не обо всем, но о многом, – уточнил Экселенц.

– А при чем «Трицератопс»? – Тахорг сделал удивленные глаза. – Разве мы куда-нибудь летим?

Старики вежливо растолковали, куда и зачем должны отправиться начальники родственных отделов из двух братских ведомств. "Короче говоря, нас послали подальше, – проворчал Максим. Он подумал, что в ближайшие сутки ему предстоит поглотить ударную дозу спорамина – иначе заснет, как только сядет на что-нибудь мягкое.

4. Саракш. 5 июня 78 года.

Согласно реестру, «Трицератопс» относился к подклассу кораблей большого радиуса, оснащенных усиленной защитой. Фактически же это был настоящий военный звездолет, напичканный всевозможным оружием ближнего и среднего – до нескольких мегаметров – действия. Как прикинул Максим, по своим боевым возможностям этот «динозавр» превосходил те межпланетные крейсера, с помощью которых семигуманоиды Коцита скоростно вернули собственную цивилизацию в состояние, мало чем отличное от каменного века.

Базиль, старпом звездолета, с которым Максим поделился этими соображениями, пренебрежительно фыркнул:

– Древние коцитарийцы были прикованы к центральной части своей системы, а наш «ящер» одним прыжком уходит на двести парсеков. Кроме того, мы только-только закончили капремонт и полную модернизацию спецтехники...

Следы недавней модернизации вооружения удалось разглядеть даже невооруженным глазом. Кроме всевозможных излучателей (некоторые средства ближнего боя явно были позаимствованы с крейсера, найденного экспедицией Боровика на орбите Коцита в семидесятом году) и торпедных подвесок, на корпусе «Трицератопса» имелись устройства, напоминавшие формой шляпку подосиновика. Максим без труда признал эмиттеры Грегори – благодаря этим милым украшениям, корабль обрел способность отразить выстрелы «пульсатора Странников» – той самой пушки, которая четверть века назад подбила звездолет «Пилигрим» в окрестностях планеты Ковчег. Кстати, два таких пульсатора также входили в оружейный комплекс «Трицератопса».

О существовании кораблей подобного класса Максим даже не подозревал, и только теперь, оказавшись на борту, начал догадываться, что «Трицератопс» имел отношение к пресловутому проекту «Зеркало». Прослушав же во время перелета далеко не подробную лекцию Тирекса, он понял, что вообще очень мало знал о структуре организации, в которой имел удовольствие работать.

Восемь лет назад несколько неформальных организаций неожиданно потребовали ликвидировать тотально-силовую спецслужбу, в которую, по их мнению, превратился Комитет Галактической Безопасности. Кампанию неформалов поддержали КОМКОН-1, Академия социологических наук и Комиссия по делам межзвездной политики (консультативный орган при Всемирном Совете), утверждавшие, что действия Галбеза неоднократно приводили к осложнениям в отношениях с соседями по Галактике. В качестве примеров обычно фигурировали разоблачение властями Тагоры галбезовского резидента-нелегала Бенни Дурова, а также засекреченность операций, развернутых на Саракше и Беллерофонте.

Вялая дискуссия не принесла четкого результата, а в последующем референдуме принял участие лишь каждый седьмой Номо sapiens старше 17 лет. За сохранение Комитета высказались 34% населения Планеты и 56% жителей Периферии. Против голосовали: на Земле – 37%, на других населенных мирах – 19%. Тем не менее, Комитет Галбез был распущен постановлением Всемирного Совета от 11 марта 72 года, при этом некоторые структурные подразделения спецслужбы-монстра стали автономными ведомствами, а другие перешли в подчинение различных исполнительных органов центрального правительства.

– Помню этот день, – печально изрек Тахорг. – Мы были в шоке. С Земли поступил категорический приказ немедленно приостановить все тайные операции, а у нас на Беллерофонте боевая группа вырывалась из кольца...

– Мы в таких случаях плевали на приказы Земли, – заметил Максим.

– Вот и мы так сделали, – Тахорг пожал плечами.

«Трицератопс» начал вибрировать – так килотонны звездолетной массы откликнулись на кратковременный нырок в подпространство. Спустя полминуты корабль вернулся к нормальному четырехмерному состоянию на расстоянии десятка мегаметров от Саракша. Кибер-стюард объявил: «Через восемнадцать минут – стыковка с орбитальным комплексом. Пассажирам приготовиться к высадке».

– Высший оперативный состав лучше остальных понимал фатальную ошибочность этого решения, – продолжал Тирекс. – На последнем совещании Коллегии мы решили, пожертвовав личностями, сохранить саму идею, то есть спасти ситуацию за счет неафишируемой инициативы снизу.

Его рассказ объяснил многое. Управление "П" («Проникновение», то есть разведка против внеземных цивилизаций) превратилось в солидное академическое учреждение – Институт экспериментальной истории. Менее популярным оказался КОМКОН-2 – бывшее управление "К" («Контрпроникновение»), переименованное в Комиссию по Контролю научно-технологических процессов. Управление "Т" («Тайные операции») называлось теперь Институтом теоретических проблем социальной прогностики, "С" (следственное) – Советом общественной психологии, "И" (информационно-аналитическое) – Комиссией по чрезвычайным ситуациям.

Разлученные ведомства продолжали работать дружно и слаженно, поскольку их деятельность негласно координировала Тайная Коллегия (этот орган имел и второе, ностальгическое название – Вышестоящая Организация), в которую вошли Экселенц, Тирекс и другие начальники управлений, а также члены общественного совета ветеранов Галактической Безопасности. Поэтому, когда появилась необходимость совершить налет на Саракш, вопрос был решен за считанные минуты. Прекрасно оснащенный корабль коллегам из служб "Т" и "К" предоставил НИИ космической спецтехники (бывшее управление "Ф" – от слова Force) – силовой орган, отвечавший за обеспечение операции «Зеркало» и развитие военного флота. Одновременно Межведомственная федерация боевых искусств, возникшая на базе управления "В" («Войсковое»), выделила штурмовой взвод.

Увешанные оружием и прочим снаряжением штурмовики один за другим ныряли в гармошку переходника, соединившего «Трицератопс» со станцией. Оперативники не торопились – им еще предстояло набегаться после высадки. Пользуясь этой паузой, Максим, который никогда ничего не забывал, посчитал, что настало удобное время выяснить решение очередной загадки.

– Андрей, почему вашу контору так интересует проблема отцовства Глумова-младшего?

– С пацаном вышла занятная история, – Дювивье-Тирекс усмехнулся. – Наша малопопулярная приятельница – я имею в виду Майю Тойвовну – с подозрительным упорством скрывает, кто помог ей произвести на свет наследника. Странная стыдливость для нашего распутного века – не так ли? Несколько лет назад один из моих сотрудников провел анализ образцов ДНК из резерва...

Мак невольно восхитился изяществом этого дерзкого замысла. Как известно, при рождении у каждого человека берется несколько кубиков крови, которые хранятся небольшими порциями в различных банках генетического резерва. При необходимости эти образцы используются, например, чтобы клонировать новый орган на замену поврежденному. Всего таких банков было три или четыре: на Земле, Ружене, Яйле и, кажется, где-то еще. Очевидно, какое-нибудь подразделение Вышестоящей Организации – вероятнее всего, ведомство самого Тирекса – имело доступ к холодильникам, где содержались эти пробирки.

– И что же удалось установить? – поинтересовался Максим.

– Представь себе – ничего определенного! Мы организовали исследование генома малыша Тойво и всех мужчин, с которыми была близка его мамаша...

– Их оказалось так много?

– Ну, если выражаться деликатно, то по современным меркам их количество не выходит за рамки приличий... Короче говоря, ни один из них отцом Тойво быть не может.

Разгадка показалась не такой занятой, как ожидалось. Убедившись, что в этом деле нет ничего любопытного, Максим сразу потерял к нему всякий интерес, однако для очистки совести спросил:

– Все-таки для меня осталось много непонятного. Лично я, когда начинал искать Гурона, вышел на Глумову далеко не сразу и, признаюсь, совершенно случайно. А ваша контора держит ее под колпаком уже не первый год. Что же привлекло к ней ваше внимание?

Тирекс ответил, пожимая плечами:

– Ничего конкретного. Она попала под усиленный надзор еще в прежние времена, да так и осталась в наших архивах. Соответствующее подразделение продолжало разработку, и время от времени мы узнавали много удивительных обстоятельств...

Выслушав рассказ Дювивье, Максим мысленно обозвал себя марсианской пиявкой. Разумеется, он сам должен был догадаться, как это происходило... Все одноклассники «подкидыша-7», включая Майю, автоматически попали в сеть усиленного надзора. Десять лет спустя в ее досье появился новый код – «неполная благонадежность». К этой категории были причислены те участники проекта «Ковчег», по чьей вине сорвался контакт с весьма любопытной негуманоидной расой. Позже повышенное внимание Галбеза привлекла полузаконспирированная группа «Вертикаль». Проведя предварительное расследование, управления "К" и "Т" повысили на одну ступень категорию неблагонадежности для всех выявленных членов и попутчиков этого коллектива. Таким образом Глумова получила код «подозрительная персона». Лишь отсутствие прямых доказательств злого умысла в ее действиях помешало сразу причислить Майю Тойвовну к «асоциальным личностям» или «врагам общества». Необходимые улики появились, когда Глумова стала активным функционером движения за ликвидацию Галбезопасности, но карательные санкции опоздали – наступило 11 марта 72 года...

– Если помнишь, неблагонадежные члены общества подлежали выборочной разработке, – продолжал Дювивье. – Поэтому в начале семидесятых была проведена стандартная проверка, включавшая изучение личной жизни. Обычно после таких мероприятий темных пятен не остается. В данном случае получилось наоборот.

– Если ничего не нашли – значит, плохо искали, – рассеянно высказался Максим. – Андрей, кто сейчас командует базой «Саракш»?

Тирекс явно был сконфужен его критическим замечанием. Однако пререкаться не стал, а только развел руками, после чего ответил:

– Для нас важнее, что заместителем начальника базы недавно назначен Терминатор. Помните нашего Тему?

Максим помнил Тему. Этот псевдоним принадлежал Кинугаси Ямада – последнему супер-президенту Комитета Галактической Безопасности. Странное было ощущение – ностальгия пополам с недоумением. Словно возвращается прошлое, о котором поторопились забыть.

Инструктаж перед десантом не отличался многословием, что также напомнило о временах до весны 72-го. Ямада поставил задачу коротко и четко.

Это была хрестоматийная операция по типовой схеме «Сеновал». Заатмосферные платформы наносят удар депрессионным полем, которое «выключает» всех обитателей малой столицы Архипелага. Затем операторы орбитального комплекса перехватывают управление так называемым Оборонительным Поясом и запускают на полную мощность генераторы психокоррекции. Тем самым подавляется всякая активность на северной группе островов. Десант, высадившись на планетарных ботах, занимает штаб-квартиру группы флотов «Цес» и обсле-
дует флигель военной контрразведки. При этом штурмовое подразделение подавляет возмож-

ные осложнения, а сотрудники управлений "К", "Т" и "П" решают возложенные на них обязанности.

– Все понятно? – спросил Терминатор, знакомым жестом вскинув голову. – Вопросы есть?

– По-моему, вы не учли, что противник может нанести удар беспилотными средствами с соседних островов, – сказал Мак.

– Такая возможность предусмотрена, – Ямада усмехнулся. – Орбитальные платформы имеют на этот случай все необходимые средства и инструкции.

Теперь вопросов и сомнений действительно не оставалось. Участники операции отправились в ангар облачаться в боевые скафандры.

Когда они садились в бот, Максим случайно услышал разговор двух бойцов из межведомственной федерации. Коллеги вспоминали, как совсем недавно проводили подобную операцию на планете Саула. Там один из прогрессоров, работавших в Арканаре, сломался и устроил мясорубку. Чтобы забрать его, пришлось затопить усыпляющим газом весь город.

Два бота опустились перед главным входом монументального здания, на фронте которого сверкала в лучах местного светила двухметровая буква «цес» – вторая буква местного алфавита, которую работавшие на Саракше земляне называли то «эс», то «цэ». Вокруг знаменитого фонтана со статуей Морского Воина беспорядочно валялись воюющие и рыдающие гуманоиды в повседневных флотских мундирах. Штабные офицеры, словно досрочно оказавшись в преисподней, извивались от мук физических и душевных, как и положено поступать под действием «черного» излучения такой интенсивности.

Двигаясь «змейкой», отряд десантников взбежал по мраморным ступенькам и проник в штаб через огромные позолоченные двери. Внутри их встретила та же картина – штабеля почти безжизненных тел в униформе и дикие вопли страданий. Никто из обитателей здания не был способен оказывать сопротивления, поэтому земляне устремились прямым ходом в глубину левого крыла, где располагался отдел контрразведки. Хорошо хоть эскалаторы работали, не пришлось устраивать кросс по лестницам, загроможенным депрессированными офицерами.

Охранники у входа в отдел выглядели просто замечательно – «лежали, откинув копыта», – вспомнил Максим фразу из далекого прошлого. Однако, главную угрозу представляли не они, а сторожевая автоматика – пулеметные гнезда, стрелявшие в любого, кто дерзнул бы сунуться через турникеты, не имея электронного пропуска. Этих квазироботов, чтобы не терять времени на подбор кода, земляне просто выжгли лучеметами.

Дальше каждое подразделение действовало, согласно детально разработанным инструкциям. Первая штурмовая секция взламывала сейфы и прочие хранилища полезных знаний. Тем временем бойцы второй секции сволокли в комнату отдыха весь личный состав отдела, после чего занялись «переписью населения». На бегу Максим зафиксировал периферией сознания, как десантник из федерации боевых искусств заголографировал портативным информатором очередного бесчувственного офицера, после чего переписал данные его удостоверения личности. Теперь, если понадобится допросить кого-нибудь из сотрудников контрразведки, поиск отнимет не больше минуты.

Бешеная гонка по громадному строению завершилась в информационно-аналитическом секторе. Отпихнув лежавшего на клавиатуре оператора, Максим сел к терминалу. Имплантированная перед стартом память не подвела: он знал буквы и цифры островитян, а также владел местной операционной системой. Однако убожество доисторической техники просто ужасало. Массаракш! Сначала Экселенц подсунил кипу бумажных документов, а теперь придется работать на таких бронтозаврах...

За полтора десятилетия после его возвращения с Саракша, местная вычислительная техника несомненно шагнула вперед, однако шаг этот завел аборигенов не слишком далеко. Сквозь стеклянную перегородку была видна машина (язык не поворачивался назвать этого

монстра информаторием или хотя бы компьютером), занимавшая своими шкафами целый зал, где запросто можно было сыграть в баскетбол, и еще осталось бы место для зрителей. От центрального устройства тянулись провода к установленным на столах дисплеям черно-белого (точнее, желто-зеленого) изображения. Мало того, что мониторы не были голографическими – они не были даже плоскими. С известной натяжкой экраны терминалов заслуживали звания двумерных.

Команды приходилось вводить, набирая клавишами условные аббревиатуры. За соседним терминалом торопливо работал Тахорг. Их подгонял дефицит времени, но не в меньшей степени – спортивный азарт. Каждому хотелось опередить конкурирующую организацию. Как обычно случается в таких ситуациях, каждый нашел лишь часть желаемого. Заглянув в очередной каталог, Максим обнаружил краткий рапорт фрегат-капитана Запи Мпольде о потерях при задержании штабного шифровальщика Емко Буфра – под этим именем в Островной Империи знали Гурона.

О таких достижениях цивилизации, как гипертекст, контекстный поиск или каскад сочлененных файлов, здесь конечно еще не додумались, но в рапорте имелись ссылки на другие документы по той же теме, и дела пошли веселее. Вскоре земляне раздобыли полный перечень участников операции, а также номера бумажных и электронных файлов, содержащих интересующие их сведения.

Десантники отнесли в бот отобранные папки с документами и катушки магнитных лент. Тем временем Тахорг приволок из соседней комнаты охваченного конвульсиями офицера-саракшианца.

– Пока работает поле, он ничего не скажет, даже если очень захочет, – глубокомысленно изрек Вальтер. – Может, забрать его на базу? Там и допросим.

– Допрос – дело хорошее, – согласился Мак. – А кто он?

– Тот самый Запи Мпольде.

– Обязательно надо допросить! Только проще на месте снять экспресс-ментограмму.

– Тоже мысль, – признал Тахорг.

Внезапно фрегат-капитан перестал стонать-вибрировать и открыл глаза, бессмысленно таращась на людей в незнакомом снаряжении. Саракшианец был так потрясен этим зрелищем, что даже не пикнул, пока земляне крепили к его вискам присоски датчиков ментоскопа. Он только вздрогнул и зажмурился, когда включенный прибор тихонько зажужжал. В тот же момент из наушников проурчал голос Терминатора:

– Десант, внимание! Генераторы «черного излучения» отключены от питания. Через минуту ударим по штабу лучом с орбиты. В любом случае закругляйтесь и начинайте эвакуацию.

– Сейчас, – буркнул в микрофон боевого скафандра Тахорг. Затем, приставив к виску фрегат-капитана ствол карабина, рявкнул: – Быстро отвечай. Почему вы пытались арестовать старшего мичмана Емко Буфра?

Саракшианец ответил очень тихо и с такой гримасой, словно каждое слово причиняло ему страдания:

– Перебежчик с континента варваров... Ему давно не доверяли, подозревали в шпионаже... работал на разведку континенталов... Часто уезжал в джунгли, отрывался от наблюдения... решили проследить...

Внизу послышались беспорядочные хлопки выстрелов. Очевидно, палили очнувшиеся аборигены – земное оружие работало бесшумно. В машинном зале тоже начались осложнения: лежавший около терминала офицер контрразведки встал в полный рост в трех шагах за спиной Тахорга. Похоже, он сориентировался в обстановке, потому и вытащил дрожащими руками пистолет. Отпустив Мпольде и оттолкнув Вальтера, Максим прыжком с места налетел на противника и ударил в челюсть прикладом. Островитянин рухнул на пол.

Еще двое имперцев уже наводили на землян свои пугачи, и Максим вскинул карабин, однако стрелять не пришлось. Одновременно, словно по команде, оба офицера снова потеряли сознание, и земляне поняли, что наконец-то включились генераторы Б-поля висевших высоко над планетой аппаратов.

– Уходим.

С этими словами Тахорг сорвал ментоконтакты с головы Запи Мпольде и бросился в коридор. Следом за оперативниками затопали остальные десантники. На эскалаторе их настигло сообщение с базы: пушки «Трицератопса» подожгли и опрокинули в океан машину, летевшую к острову с юго-востока. Затопившее весь сектор депрессионное поле этому аэро-кару явно не мешало.

– Наверное, радиоуправляемая, – предположил оператор. – Или полностью на автоматике.

Как выяснилось чуть позже, могли быть и другие объяснения. Когда земляне задраивали люки ботов, на территорию штабного комплекса ворвался, проломив решетчатые ворота, тяжелый армейский броневик-амфибия. Машина с ходу открыла огонь из скорострельной пушки, а из заднего люка посыпались, проворно разворачиваясь цепью, вооруженные гуманоиды в жестких доспехах. Снаряды оставили строчки вмятин на обшивке, но боты уже оторвались от негостеприимной планеты и стремительно скрылись в вышине.

Сотрудник Института экспериментальной истории, который так и не снял маску – видеть его лица не полагалось даже коллегам – проговорил раздраженно:

– Наша служба предупреждала, что на Островах создали защиту от излучения, только не принято умных людей слушать... – он покачал головой. – Хорошо, ушли без большого кровопускания... Как ваша операция – нашли, что искали?

– Более-менее, – кивнул Максим. – А как вы?

– Нормально, – сказал разведчик. – Мое дело было маленькое – распахать «жучков» по всему зданию. Хоть пару дней будем видеть и слышать, что в этом треклятом штабе замышляют.

Выслушав их рапорт, Слон заметил: мол, хорошо, что группа вернулась без потерь, но огласки избежать вряд ли удастся. Пресса может поднять шум, опять примутся критиковать из-за вторжения на чужую планету.

– Не дергайся, – посоветовал Терминатор. – В прессе полно наших людей, а в составе десантной группы был корреспондент «Всемирных Новостей». В лучшем виде представим. Конечно, не называя имен.

– Что с Гуроном? – спросил Максим.

– Плохо с Гуроном, – сказал Терминатор. – Врачи на Тамире разводят руками. Такое впечатление, что организм отказывается работать.

Общее расстройство функций.

5. Архивные файлы.

Документ 1. bwi//ComCon/8235.076-3

Вероятно, отчет для психологов замыслился, как излияние души на органический кристалл компьютерной памяти. Лично я считаю такую разновидность эпистолярного жанра полным маразмом, поскольку никто не в силах заставить кого-либо сообщить больше, чем полагает нужным автор. И, коли решение моей судьбы поставлено в зависимость от размера подобных откровений, сей факт в лишний раз убеждает, что руководящие кресла в нашей организации достались патологическим садомазохистам. Однако, если отцов-командиров всерьез интересуют мои мотивы – читайте на здоровье. Может, за голову возьметесь. Шучу, конечно. На столь радикальный эффект я, утратив большую часть врожденного идеализма, уже не рассчитываю.

Итак: почему я разочаровался в Отряде Следопытов?

Наверняка ошибочным выбором мною профессионального поприща тайно управляла дурная наследственность. Еще бы: один из моих прадедов по отцовской линии был штурманом первого корабля, достигшего (пускай даже по ошибке) иной солнечной системы. Вдобавок дед по материнской линии – виднейший астрозоолог. Прочие предки в большинстве своем тоже были каким-то боком связаны с космосом. Сами посудите: какой еще путь в жизни мог выбрать несчастный подросток, чье детство прошло в доме, где все книги, фильмы и прочие хранилища информации ежесекундно индуцировали романтику межзвездного поиска?

Впрочем, была еще одна традиция, немало повлиявшая на мою злополучную судьбу. Уже упомянутый героический прадед, отправляясь в рейд на «Таймыре», увез с собой неистовую любовь к псевдоготическому модерну – культовому жанру искусства конца XX – начала XXI столетий. По возвращении пращур восстановил и приумножил колоссальное собрание произведений такого пошиба. О популярности подобного чтива в нашей семье можно судить по одному лишь факту – предвкушая мое появление из плацентарной субстанции, родители, бабушки с дедушками, а также часть прабабушек устроили конкурс на лучшее имя для грядущего пополнения рода. На полном серьезе рассматривались самые неприличные варианты, как то: Артур, Ганелон, Ллур, Корвин, Дракула, Арагорн, Мандор и так далее. В конце концов папочке этот бедлам надоел, и он (то есть папочка) самолично принял решение, которое удовлетворило всех, даже меня. Опять же не стоит удивляться, что я с самого раннего детства зачитывался и засматривался кровавыми историями о битве беззаветных героев-одиночек с коварными инопланетянами, обезумевшими киборгами и омерзительными демонами, желающими швырнуть Землю на растерзание Силам Зла.

Таким образом, ничего нет необычного в том, что я увлекся уходящей из моды темой изучения внеземного разума. Уже в старших классах я занимался этим делом, не побоюсь громкого слова, вполне профессионально – по университетским учебным пособиям, монографиям маститых ксенологов и публикациям академической периодики. В результате к выпускным экзаменам у меня сложилось странное ощущение, допускавшее три правдоподобных объяснения:

1. Я – дурак и ничего не понимаю;
2. Авторы солидных научных работ развлекаются тем, что дурят наивных читателей;
3. Земная наука убедилась в собственной бессилии понять соседей по Вселенной и теперь лишь прилежно фиксирует факты, не слишком утруждаясь их, то бишь оных фактов, истолкованием.

Легко догадаться, что последняя гипотеза представлялась мне наиболее правдоподобной.

Я и раньше знал о древних разведчиках Галактики, которых наши ученые еще полтора столетия назад обозвали Странниками. Об этой расе написано даже в школьных учебниках, о них снято бесчисленное количество мультяшек, построенные ими города и орбитальные соору-

жения нарисованы на маечках и бейсболках. Однако, перевернувшись гору файлов, я испытал оторопь, когда осознал, что за эту бездну времени ученые ни черта не узнали о самих Странниках. Исследователи не сумели даже определить эпоху, когда эскадры Странников посетили Солнечную систему. Разброс оценок от 1 до 10 миллионов лет выдает полную беспомощность – похоже, эксперты просто называли случайные числа.

Было бы полбеды, ограничься неудачи пробелами в датировке. Однако, разбираясь в археологических находках, я столкнулся с феноменом, на который старательно закрывали глаза даже самые уважаемые зубры от ксенологии. Оказывается, совсем свежие изделия Странников (например, перегоняемые через Саулу транспортные агрегаты) мало отличаются по конструкции от самых древних артефактов и вдобавок не превосходят по своим возможностям аналогичные конструкции, создаваемые сегодня человечеством. Получается, что уже миллионы лет Странники продолжают пользоваться одними и теми же технологиями, причем умудрились по отдельным направлениям даже отстать от сравнительно молодой земной цивилизации.

Иными словами, единственная известная нам внеземная сверхцивилизация (ВСЦ) элементарно остановилась в своем развитии. Открытие из числа архитревожных: если таковы законы эволюции любого разумного сообщества, то аналогичная участь может ожидать и человечество. Особенно комичным выглядит на этом фоне концепция «вертикального прогресса», практическое воплощение которой, вероятно, и привело к стагнации Странников. Совершенно очевидно, что одностороннее увлечение «вертикалью» следует признать заведомо вредным и тупиковым путем развития. Тем не менее, великомудрые теоретики упорно ведут себя так, будто намерены воплотить в жизнь тупой анекдот о страусе. Кстати, настоящие страусы при малейшем намеке на опасность поступают куда умнее: не утыкаются клювом в песок, но убегают или вступают в бой. Таким образом, человечество в данной ситуации выглядит не лучшим образом.

Вообще, история наших контактов с родичами по разуму напоминает классический сюжет народной сказки: чем дальше, тем страшнее. Из любого учебника можно узнать, как бравые Следопыты открыли биологическую цивилизацию так называемой планеты Леонида. Разумеется, на Леониду немедленно хлынули научные группы, затеявшие состязание в идиотизме. Первое десятилетие пытались наладить взаимопонимание с гуманоидами, коих на планете насчитывалось несколько миллионов особей. Потом постановили, что леонидяне лишены интеллекта, и тогда, обуреваемые непостижимым энтузиазмом, принялись обращаться с ними, как с вредным зверьем: снаряжали грандиозные охотничьи экспедиции, отлавливали для зоопарков, заполняли земные лаборатории скелетами и чучелами смешных человекообразных существ. И только спустя четверть века после первого посещения планеты совершенно случайно обнаружили руины циклопических подземных сооружений, а также действующую гидроэлектростанцию. Началась паника, посыпались скандальные отставки обанкротившихся псевдоученых; по слухам, кто-то даже пустил пулю в висок, но, кажется, промахнулся. И в самый разгар этой суматохи (дело было в 2176 году по старому стилю) на Леониду опустился фотонный звездолет.

Лишь тогда выяснилось пикантное обстоятельство. Двадцатью годами раньше на планете Крукса охотник Поль Гнедых подстрелил существо, череп которого с тех пор хранится в Кейптаунском музее космозоологии. А надо сказать, что в ранней молодости этот Гнедых был безумно влюблен в мою прабабушку Ирину Егорову-Кондратьеву и периодически посещал дом Кондратьевых на Кунашире. В очередной свой визит охотник выглядел морально убитым и покаялся, что всадил боеприпас в кислородный баллон чужого астронавта. Дальнейшее оказалось делом техники. Элементарная проверка, которую следовало устроить гораздо раньше, подтвердила: кейптаунский череп идентичен аналогичным частям скелета леонидянских гуманоидов.

Помаявшись напряженными раздумьями, крестные отцы ксенологии разродились гениальным озарением: в середине 150-х годов на планете Крукса побывала экспедиция с Леониды,

чей звездолет и вернулся в родной мир летом 176-го, покрыв 19 световых лет на субсветовой скорости за 22 года независимого времени. Следопыты снова кинулись-было устанавливать контакт, однако теперь наконец-то лопнуло терпение Мирового Совета. Комконовцам запретили показываться в системе ЕН-412, а едва не захиревшему на почве полуторавекового безделья ведомству галактической безопасности спустили поручение как можно деликатнее разобраться с братишками по разуму и, по мере сил, сгладить дурное впечатление, которое произвели команды лихих охотников за черепами *Quasihomo leonidas sapiens*.

Вскоре на Леониду был внедрен великолепно законспирированный разведчик Бенни Дуров. Серия пластических операций изуродовала агента, сделав неотличимым от аборигенов. Семь долгих лет Бенни прожил среди «квазихомо», регулярно отсылая на орбитальную базу подробные отчеты.

Наверное, ни одна спецслужба Метагалактики не оказывалось досель в столь идиотском положении. Можно только догадываться, как потешались истинные хозяева планеты, державшие Дурова под плотным наблюдением с первой до последней минуты. Разумные насекомые, на которых преисполненные антропоморфного шовинизма спесивые Следопыты и галбезовцы не обращали внимания, умело окружили землянина человекообразными биологическими куклами, и несчастный Бенни добросовестно пытался наладить контакт с этими андроидами. Наконец, узнав о людях значительно больше, чем мы могли опасаться, членистоногие сапиенсы вызвали на связь земную станцию и сообщили, что цивилизация планеты Тагора готова устанавливать дипломатические отношения с младшими родственниками.

Лишь пропустив землян через унижительный ритуал официального контакта, тагоряне снисходительно сообщили, что пресловутые квазигуманоиды были всего-навсего искусственными существами, лишенными свободы воли. Оказывается, генные инженеры Тагоры создали их много тысячелетий назад для выполнения особо тяжелых и опасных работ. Стало быть, лучшие умы человечества угробили бездну сил и времени, пытаясь наладить дружеские отношения с киборгами, способными лишь повиноваться программам средней сложности.

Впрочем, и эта плюха никого ничему не научила. Только вспыхнула и быстро поперхнулась межведомственная перепалка: Галбез обвинял КОМКОН в вопиющей некомпетентности, подорвавшей престиж человечества при первой же встрече с иным разумом. Следопыты отвечали: дескать, сами вы бестолочи, могли бы за семь лет разобраться, с кем дело имеете. Итог столь высокоинтеллектуальной дискуссии подвел Мировой Совет, мудро постановивший строго разграничить обязанности между комконовцами и галбезовцами. После этого земляне более или менее успешно работали с молодыми гуманоидными расами, тогда как негуманоиды и высокоразвитые цивилизации неизменно оказывались не по зубам что Комитету, что Комиссии. Оно и неудивительно, поскольку оба уважаемых учреждения пользовались услугами одних и тех же «независимых» экспертов вроде Боровика, Бромберга и прочих самопровозглашенных гениев.

Полагаю, что любому нормальному человеку этих открытий с избытком хватило бы, чтоб вконец разочароваться в прикладной ксенологии. К прискорбию, по причине малолетства, я сохранил остатки энтузиазма и дешевой романтичности, а потому все же стал Следопытом, втайне надеясь вернуть Комиссию по Контакткам на истинный путь постижения тайн внеземного разума. Увы, все мои потуги оказались напрасными и лишь раздражали руководство. У меня даже сложилось подозрение, что корифеи ксенологии сознательно ограничивают азимут исследовательских работ на самых заманчивых объектах – видимо, не желая в очередной раз терпеть фиаско. Прав я или нет, покажет время, но за последние два года были практически прекращены работы на Ковчеге, Сауле и Надежде.

Не желая далее участвовать в позорном фарсе, именуемом «межзвездный поиск», повторно прошу отчислить меня из Отряда Следопытов.

М.Кондратьев 13.01.76

Резолюция: Этот мальчишка – явный паникер с признаками неврастения. Точнее разберутся психиатры, но и без медицинского заключения ясно, что хорошего Следопыта из него не получится. Руководитель отряда «Зебра» также не в восторге от М.К. Поэтому считаю желательным просьбу об отставке удовлетворить.

Г.Комов 14.01.76

Документ 2. bwi.//ComCon2/3065.076-07

Шеф!

Мой источник в Секретариате КОМКОНа-1 обратил внимание на инцидент с М.Кондратьевым. У парня были весьма здравые мысли о наших неудачах по тематике Проникновения и Понимания. Разумеется, будучи рядовым Следопытом, он имел далеко не полную информацию, из-за чего выводы грешат вопиющей наивностью. Тем не менее, прочитав его разработки, я пришел в полный восторг. Этот юноша предложил свежий взгляд на многие застарелые болячки. Как ты понимаешь, комконовские бонзы поспешили избавиться от возмутителя спокойствия.

Сейчас М.Кондратьев прозябает в должности ассистента кафедры на факультете ксенологии Хьюстонского университета. Думаю, было бы неплохо переманить его в нашу контору.

Траппер 8.05.76

Документ 3.

Из приказа по Институту.

...

4. Кондратьева Мерлина Обероновича, 50-го г.рожд., зачислить в отдел системного анализа на должность младшего научного сотрудника...

А.Дювивье 19.08.76

6. Земля. 6 июня 78 года.

Чудовищ рождает не только сон разума. Даже здоровое понижение физиологической активности, когда почти исчезают реакции на действие внешних раздражителей, – иными словами, тривиальное состояние, в котором человек проводит едва ли не четверть отмеренного ему интервала на координатной оси времени, – даже такой сон может наплодить монстров, затмевающих буйные плоды больного воображения профессиональных творцов виртуальных иллюзий.

В эту ночь Максима снова навестил кошмар, некогда преследовавший его с регулярностью курсирования рейсовых аэробусов. Потом годы как будто зарубцевали открытую рану, сгладив врезанную в память боль. А вот теперь, после короткого посещения той планеты, давний ужас вернулся, и стало ясно: ничего не забыто.

Он просыпался тяжело, словно пытался вырваться из тисков болотной трясины, но все же продрал глаза, обводя комнату обезумевшим взглядом. Парализованные болезненным видением полушария тупо проворачивались под черепной коробкой, и он не мог сообразить, почему в стене прорезано столь громадное окно и куда девался телевизор на длинных ножках, коему полагалось стоять у стены напротив кровати. Вдобавок ладонь, рефлекторно скользнувшая под подушку, не нащупала рифленую рукоять, и тогда Максим скатился на пол, занимая оборонительную стойку, готовый крушить голыми руками тех, кто проник в его камеру, украл пистолет-пулемет и переставил мебель. В эти минуты им управляла единственная мысль – любой ценой защитить Раду.

Но постепенно власть ночного видения отпускала, и Максим начал понимать, что находится вовсе не в офицерских казармах Дворца Свободы, но у себя дома. Полуживое жилище заботливо регулировало яркость света, уровень акустического фона и форму кровати, а теперь, обнаружив, что один из обитателей проснулся, перевело в состояние готовности бытовые агрегаты. Мелодичный голос кибер-мажордома осведомился, намерен ли хозяин завтракать в одиночестве, или подождет пробуждения Алены.

– Позже, – буркнул Максим. – Жди приказа.

– Не шуми, – пробормотала Алена, не открывая глаз. – Что за мода – ни свет, ни заря...

Повернувшись на другой бок – драпированное под леопардовую кожу покрывало при этом сползло, – она причмокнула и удовлетворенно засопела, вновь отключившись от внешних раздражающих факторов. Максим даже позавидовал: есть же беззаботные люди, способные спать, как ни в чем не бывало, что бы ни творилось в этом гнусном мире.

Недавний сон вконец доконал его, напомнив о старой потере. Рада, бедная девочка, так и не сумевшая понять, кого любила и для кого стала смыслом жизни. Сколько их было потом, но ни одна не удерживала его надолго, включая эту секс-бомбу среднего калибра... Максим машинально покосился на лениво ворочавшуюся во сне Алену, а затем долго не мог оторвать взгляд от рельефов отшлифованного изнурительным тренингом тела.

Позже, стоя в душевой под струями ионизированных растворов, он впервые осознал, что двадцать лет назад буквально возненавидел все неземное. Вселенная жестоко ранила его, отняв самое дорогое на свете существо. После той трагедии любые порождения иных миров он воспринимал с подозрением, точно ожидал очередного подвоха. Наверное, потому так легко принял предложение Странника перейти из ГСП в Галбез. А вскоре после того обойма его прибавок пополнилась вселенским скепсисом и неприятием всяческих секретов.

Покончив с рутинной ежедневных гигиенических процедур, Максим был уже внешне спокоен, хотя на душе сохранялось поганое чувство. Для очистки совести он заглянул еще раз в спальню, убедившись, что его возлюбленная (она же – Алена Прекрасная, она же – секс-бомба

регулируемой мощности с непрогнозируемым переключением на форсаж) заправились дрых-ать как минимум до обеда. Против фатума не попрешь, решил он.

В памяти назойливо копошились подходящие цитаты из Верблибена – не вольные переводы супругов Бурсаковых, а подлинные тексты. Декламируя вполголоса: «Рок над руинами судьбы витает, Мрак жизни вновь надежду убивает», – он потыкал пальцами по сенсорному пульту Линии Доставки, принял поднос с бокалами, чашками и тарелками и тяжело рухнул на диван. Мажордом, вышколенный потакать хозяйским привычкам, немедленно подвесил перед ним две дюжины картинок стереовидения.

– Одиннадцатый канал, – сказал Максим, без аппетита расправляясь с многоэтажным бутербродом. – Обычный формат.

Малым, всего в кубометр, размером – распахнулась голограмма утреннего выпуска передачи «Панорама Галактики», которую он имел основания считать более-менее объективной среди множества информационно-аналитических программ. Обаятельные ведущие со знанием дела излагали ассорти основных событий, случившихся за последние сутки на десятке планет, населенных землянами, другими гуманоидами, негуманоидами, а то и вовсе не заселенных.

Помимо прочего, Максим получил истинное удовольствие, выслушав весьма остроумно представленную версию вчерашних событий на Саракше. Информацию зачитали скороговоркой, сопроводив коротким текстом впечатляющий видеоряд, иллюстрирующий последствия аварийного и – ну, разумеется! – спонтанного сброса в запредельный режим генераторов так называемого Оборонительного Пояса. Затем без паузы прошел очень квалифицированный анализ благополучного разрешения политического кризиса на Беллерофонте, потом был большой комментарий к военным действиям на Гиганде.

Максим слушал эти сообщения вполуха, продолжая удивляться, как ловко специалисты по пропаганде отфильтровали информацию со станции «Саракш». Он уже заканчивал завтрак, когда объявили рубрику «Скандалы». Тут шеф отдела ЧР заинтересовался всерьез, потому что героем сегодняшнего скандала оказался его позавчерашний знакомый доктор Бромберг.

Ведущий рубрики говорил довольно уклончиво и в то же время невероятно язвительно. Суть происшедшего была изложена в самых общих чертах, однако Максим уяснил главное: вчера, когда он потрошил архивы имперской контрразведки, настырный старикашка попытался разоблачить происки КОМКОНа-2. Файл с заявлением Бромберга затерялся среди миллиардов других bwi-страничек, ежедневно поступающих в информационную сеть Планеты, а по самому доктору принялись, что называется, ходить ногами, попутно вытирая об него подошвы. Максим затребовал подборку материалов по этой тематике, и Большой Всемирный сообщил: «Найдено 673 упоминания. На монитор выведены заголовки первых 10 текстов». Да уж, за дедушку Айзека взялись по-настоящему, как в добрые старые времена. Кто бы мог подумать, что где-то еще остаются мастера такого класса...

Бромберга с невероятным знанием дела окунули мордой в грязную лужу, аргументированно доказывая, что обладатель пятнистой лысины, хоть и отирался битый век в окрестностях науки, но сам не внес серьезного вклада в сокровищницу знаний, а только систематизировал (да и то с ошибками) чужие достижения. Некоторые комментаторы прозрачно намекали, что престарелый неудачник остро переживал свою интеллектуальную импотентность, по каковой причине у него развился тяжелейший комплекс неполноценности, толкавший Бромберга на эксцентричные выходки. Мелькали фразы типа «готов на все, лишь бы привлечь внимание к собственной тусклой персоне», а то и вовсе «дилетант испражняется в ослоумии».

Все без исключения авторы цитировали возмущенный протест Президента КОМКОНа-1 Геннадия Комова: «Обвинения в наш адрес лишены оснований. Комиссия по Контактam никогда не задерживала своих сотрудников. А некоторым безответственным болтунам, плохо понимающим смысл произносимых ими слов, я бы посоветовал обратиться за помощью к психотерапевту из геронтологической клиники». Конец цитаты.

Жесткость афронта была вполне в духе Комова – известного грубияна и вообще человека в высшей степени бесцеремонного, если речь заходит о событиях в стенах его ведомства. Только в данном случае праведный гнев родился на пустом месте: Бромберг-то напал вовсе не на комовский КОМКОН-1. Правда, большинство обывателей, услышав название КОМКОНа-второго, все равно подумают, что неэтичный поступок совершила именно Комиссия по Контакткам, но ведь сам Комов не мог не понимать, что удар нацелен вовсе не по штабу Следопытов и Прогрессоров. Для него разумнее всего было бы просто промолчать или, на худой конец, выступить с разъяснениями: мол, не мы виноваты, люди добрые, это соседняя контора бузит. Однако Комов предпочел публично обидеться и назвать Бромберга старым маразматиком.

Такое поведение выглядело нелогично, а Комова можно было обвинить в чем угодно, только не в пренебрежении логикой. Максим почувствовал, что снова уткнулся носом в загадку. Надо же, Комов подыгрывает некомпетентной части сограждан... Вдобавок некоторые обозреватели туманно намекали, что корни эскапад Бромберга тянутся из комплекса вины, проросшего на почве печальных эпизодов его околонаучной биографии. Что же сделает некомпетентное, а потому любознательное большинство сограждан, услышав столь интригующие намеки? Разумеется, некомпетентное и т.д. полезет за пикантными подробностями в недра БВИ.

Именно так Максим и поступил. Набираем на клавиатуре: «+bromberg +isaac», осторожно касаемся кончиками пальчиков кнопки ENTER... Что получаем в итоге?.. А в итоге мы получаем 49838 упоминаний. Ладно, выберем в меню пункт «профессиональная деятельность». Ну вот, осталось всего 133...

Проглядев третий документ, шеф Чрезвычайного Розыска непроизвольно погладил собственную макушку, словно проверял, не дыбом ли встала его шевелюра. Оказывается, давным-давно, на заре новой эры, тридцатилетний магистр Айзек Б. добровольно участвовал в запрещенных опытах по отработке методов коррекции личности. В информационных массивах содержались откровенные намеки, что подобные эксперименты неизбежно должны были отражаться, причем совершенно пагубным образом, на его умственных способностях. А еще полвека спустя тот же Айзек Б. устроил в академических кругах истерику по поводу прекращения экспериментов в области изменения космологических констант. При этом он даже сделал всеобщим достоянием невесть где добытые уравнения, которые сам Дьюла Шнайдер не решился публиковать, считая дальнейшие исследования преждевременными и опасными. Итогом стала гибель научного комплекса «Проксима» и восьми нуль-физиков, посчитавших доводы Бромберга убедительнее предостережений Шнайдера.

Максим был в шоке. Такие сведения несомненно составляли тайну личности, то есть никак не могли попасть в общедоступный сектор Информатория. Однако попали же, и сей факт представлялся абсолютно загадочным. Максим понял, что сам он в этой головоломке не разберется, и к тому же имел основания предполагать, что от Экселенца объяснений ждать не стоит.

Как нетрудно было угадать по заполнявшему предбанник шуму, в кабинете шефа разворачивался крупный скандал. Когда Максим переступил порог, Бромберг, успешно подражая рассвирепевшей марсианской пиявке, выкрикнул фальцетом:

– Вы меня не убедили!

Судя по реакции Экселенца, пятнистый старик произносил эту фразу уже не в первый раз. Зарывав от бессильной ярости, Сикорски сказал, экспансивно размахивая руками:

– Доводы разума на вас не действуют. Вероятно, в самом деле начинается старческое слабоумие.

Бромберг разразился очередной порцией возмущенных воплей, однако на удивление быстро сдался, вдруг сделавшись жалким и беззащитным. По-детски всхлипнув, он простонал:

– Вы решили растоптать меня. Обвиняете в некомпетентности, намекаете на шизофрению.

– Я к этому отношения не имею, – буркнул Экселенц.

– Верю, – надменно изрек Бромберг.

– Но гибель «Проксимы» все равно на вашей совести...

– Прекратите разводить демагогию, – устало отмахнулся пятнистый. – При желании они получили бы эти формулы и без моего содействия.

– Не формулы, а уравнения, – машинально уточнил Экселенц.

– Какая разница!

Укоризненно покачав сверкающим черепом, шеф Комиссии по Контролю сказал назидательным тоном:

– Вы действительно некомпетентны, раз не понимаете разницы. И не забывайте, что персонал «Проксимы» узнал об уравнениях Шнайдера именно из вашего письма.

Бромберг снова загорелся, хоть и без прежнего темперамента, и желчно парировал:

– Я, по крайней мере, никогда не стрелял с перепугу по музейным посетителям...

– Вы не хуже меня знаете, что он был не совсем обычным посетителем, – Экселенц явно потерял надежду хоть в чем-то убедить своего упрямого оппонента. – Вы же видели показания приборов. Абалкин перестал быть человеком.

– Ха, ха, ха! – громко произнес Бромберг. – Эти записи можно интерпретировать десятком различных способов. Нет, вы меня не убедили.

– Ну и черт с вами, – капитулировал Сикорский. – Я вас не задерживаю.

– Этого еще не хватало, – горделиво фыркнув фыркнув, Бромберг неловко выкарабкался из кресла, которое Экселенц в незапамятные времена позаимствовал у некоего Умника. – Я ухожу как победитель с высоко поднятой головой, но я еще вернусь.

– Кто бы сомневался, – бросил ему вслед хозяин кабинета.

До ответа Бромберг не снизошел, только мотнул лысиной, не оборачиваясь. Максим даже забеспокоился – как бы от столь резких движений не переломилась тощая шея старого скандалиста. Однако обошлось без членовредительства. Посетитель величественно проковылял к выходу и не без натуги проломился сквозь дверную мембрану. Проводив его хмурым взглядом, Экселенц еще раз качнул головой и придвинул к себе плоский монитор. Очевидно, собирался изучить какие-то документы.

– Что-то странное творится, шеф, – задумчиво проговорил Максим. – После двадцатилетней холодной войны Комову вдруг вздумалось нас поддержать. Странно это, однако.

Экселенц нехорошо посмотрел на него, потом вытащил из стола контейнер кристаллотеки, поводил двумя пальчиками над ячейками, вытащил футляр, похожий на гильзу старинного пулемета и протянул начальнику отдела ЧР. Все эти манипуляции он проделал молча, не издав ни единого звука, после чего вернулся к чтению.

Ладно, будем играть в молчанки, мысленно согласился Максим. Он вставил кристалл в микропроектор. Засветилась голограмма, изображавшая эту самую комнату, только вместо М.Каммерера на диване сидел президент КОМКОНа-1. «Ну и ну, – подумал Максим. – Воистину, явление горы к Магомету».

КОМОВ: Я разочарован. Думал, предложите сесть в знаменитое кресло. Так сказать, по старой дружбе.

ЭКСЕЛЕНЦ (с непроницаемой гримасой): Это всего лишь кресло, а не электрический стул.

Оба смеются.

КОМОВ: Ладно уж. Давайте ближе к телу, как говорили в старину. Мы должны любой ценой избежать огласки. Сами знаете, какие добрые чувства я питаю к вашей конторе, но в этом вопросе можете рассчитывать на мою поддержку. Бромберга следует нейтрализовать.

ЭКСЕЛЕНЦ: Интересная мысль. Что вы предлагаете?

КОМОВ: Дискредитацию. У вас есть на него компроматы?

ЭКСЕЛЕНЦ: Разве что в архивах Галбеза. Даже не знаю, какому ведомству они достались.

КОМОВ: Будет вам приbedняться. Кое-что, конечно, попало ко мне, кое-что – в Академию общественной психологии, но остальное-то... Если объединим наши фонды, можно найти много любопытных фактов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.